

X628 101.2

PIR

РАРОГ А.И.

СУБЪЕКТИВНАЯ
СТОРОНА
И КВАЛИФИКАЦИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

2001

Рарог А.И.

СУБЪЕКТИВНАЯ
СТОРОНА
И КВАЛИФИКАЦИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 34
ББК 67.408
Р 12

Рецензент

доктор юридических наук, профессор А.И. Чучаев

Книга, предлагаемая вниманию читателя, содержит изложение основ общего учения о субъективной стороне преступления, а также основных правил квалификации преступлений с учетом влияния на нее различных субъективных признаков: форм и содержания вины, мотивов и целей преступления, субъективной ошибки и т.д. В ней рассматриваются вопросы о вменении квалифицирующих признаков, о квалификации неоконченного преступления и преступных действий соучастников преступления по признакам субъективной стороны преступления.

Работа рассчитана на студентов, изучающих курс уголовного права, а также спецкурсы «Субъективная сторона преступления» и «Теоретические основы квалификации преступления», на аспирантов и преподавателей высших юридических учебных заведений, на работников суда, следственных органов и адвокатов, а также на ученых, исследующих данную проблематику.

Українська юридична
академія
Інв. № 554576

© Рапог А.И., 2001
© ООО «Профобразование», 2001

ВВЕДЕНИЕ

Сущность закреплённого в ст. 3 УК¹ принципа законности состоит в неуклонном соблюдении каждой уголовно-правовой нормы в точном соответствии с ее буквой и духом. Это возможно при обязательном соблюдении следующих условий: во-первых, должны быть правильно поняты цель принятия, смысл и буква данной нормы с учетом ее места в системе уголовного права; во-вторых, должно быть бесспорно установлено наличие всех необходимых предпосылок применения этой нормы, с тем чтобы конкретный случай полностью соответствовал его нормативной характеристике.

Поведение человека, в том числе и противоправное, представляет органическое единство внешней (физической) и внутренней (психологической) сторон. Поэтому и правонарушение характеризуется с помощью признаков, относящихся не только к внешней, но и к внутренней стороне. Каждый из этих признаков, включая признаки субъективной стороны, должен быть исчерпывающе исследован в случаях применения правовой нормы компетентным органом, чтобы юридическая характеристика конкретного правонарушения полностью совпадала с законодательным его описанием. Это требование приобретает особую важность для уголовного закона, поскольку малейшее отступление от принципа законности при применении норм уголовного права может повлечь особенно тяжкий, а подчас и неустранимый вред, серьезно подорвать престиж права и породить недоверие к нему. Между тем в практике еще встречаются случаи осуждения за причинение вредных последствий без вины, нередки факты неправильной квалификации деяния из-за ошибочного вывода о форме вины либо неверной оценки мотивов и целей преступления, а также назначения наказания, не соответствующего степени вины правонарушителя. Удельный вес подобных ошибок достигает 40—50% в общей массе

¹ Здесь и далее имеется в виду УК РФ, если иное не оговорено в тексте.

судебных ошибок. Они могут быть обусловлены различными причинами.

Во-первых, процесс установления и доказывания признаков субъективной стороны преступления, как правило, более сложен, чем установление объективных обстоятельств совершения преступления. К тому же лицо, совершившее общественно опасное деяние, чаще всего считает себя невиновным, или заявляет о своей невиновности, или стремится представить свои действия как неумышленные, тем самым затрудняя процесс познания субъективного содержания преступления.

Во-вторых, законодательное описание многих преступлений не содержит четкой юридической характеристики субъективной стороны, что не способствует однозначному и единообразному пониманию психологического содержания данного вида преступлений работниками судебных и следственных органов.

В-третьих, некоторые работники правоприменительных органов недооценивают значение субъективных признаков, поэтому поверхностно исследуют либо вообще оставляют в тени вопросы о форме и содержании вины, о мотивах и целях преступления, особенно в случаях, когда эти признаки не влияют на квалификацию деяния.

В-четвертых, в практике «нередко видно вольное толкование таких, например, институтов уголовного права, как субъективная сторона преступления, вина, цели, мотивы и т. д.»¹, в результате чего умысел и неосторожность характеризуются в некоторых приговорах с помощью формулировок, не совпадающих с законодательным описанием умысла и неосторожности, а это мешает вышестоящим судебным органам проверить правильность содержащихся в приговоре выводов суда о субъективной стороне преступления.

Перечисленные и некоторые другие причины судебных ошибок, связанных с неверной оценкой признаков субъективной стороны преступления, существенно затрудняют единообразное применение уголовного закона и подрывают уважительное отношение к судебному приговору.

¹ Карпец И. Криминология, Проблемы и перспективы // Социалистическая законность. 1985. № 11. С. 26.

Огромная практическая важность и теоретическая сложность проблемы субъективной стороны преступления побудили многих ученых обратиться к научному исследованию многих ее аспектов. Но несмотря на большой объем литературы, посвященной субъективной стороне преступления (работы Б.С. Волкова, Е.В. Ворошилина, М.С. Гринберга, П.С. Дагеля, Ю.А. Демидова, Г.А. Злобина, В.Е. Квашица, Г. А. Кригера, В. Г. Макашвили, Р. И. Михеева, В.А. Нерсеяна, Б.С. Никифорова, Б.Я. Петелина, Ш.С. Рашковской, К.Ф. Тихонова, М.Г. Угрехелидзе, Б.В. Харaziшвили и др.), эта проблема еще до конца не изучена. На современном уровне развития уголовно-правовой науки можно выделить *два основных направления* в научной разработке субъективной стороны преступления. С одной стороны, необходимо продолжать *фундаментальные* научные исследования в сфере общего учения о субъективной стороне преступления и отдельных ее признаках, а с другой — потребностями практики диктуется углубленное изучение *прикладных аспектов* субъективной стороны преступления: влияния отдельных ее признаков на квалификацию преступлений, назначение наказания, а также особенности содержания субъективной стороны при соучастии в преступлении, при неоконченном преступлении и т.д. Эти основные направления и положены в основу настоящей работы.

ОСНОВЫ ОБЩЕГО УЧЕНИЯ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие, содержание и значение субъективной стороны преступления

Под субъективной стороной преступления в науке уголовного права понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Образую психологическое содержание общественно опасного деяния, субъективная сторона преступления является его внутренней (по отношению к объективной) стороной. Вопрос о содержании субъективной стороны преступления, точнее — о ее соотношении с виной, до сих пор является дискуссионным в отечественной юридической науке. По этому вопросу высказаны три основные точки зрения.

Некоторые ученые отстаивают тезис, что вина и субъективная сторона преступления — это понятия тождественные, поскольку интеллектуально-волевая деятельность человека неразрывно связана с мотивационной и эмоциональной деятельностью¹. По мнению П.С. Дагеля, «вина представляет собой внутреннюю, субъективную сторону преступления, психическое отношение субъекта к своему общественно опасному деянию и его последствию, выраженное в преступлении»². Обосновывая это положение, он писал: «Точка зрения, согласно которой субъективная сторона преступления не исчерпывается виной, а включает в себя наряду с виной мотив и цель преступления, основана... на смешении субъективной стороны преступления (вины) и признаков состава преступления, характеризующих эту субъективную сторону (умысел, неосторожность, мотив, цель, аффект, заведомость и др.), а также на смешении понятий содержания и формы вины»³. Изложенная пози-

¹ См.: *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 41, 42, 59 и др.; *Ворошилин Е.В., Кригер Г.А.* Субъективная сторона преступления. М., 1987. С. 6—12; Российское уголовное право. Курс лекций. Том 1. Владивосток, 1999. С. 385.

² *Дагель П.С.* Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. 1969. № 1. С. 78.

³ *Дагель П.С.* Понятие вины в советском уголовном праве // Материалы XIII научной конференции ДВГУ. Ч. IV. Владивосток, 1968. С. 123.

ция недостаточно убедительна в теоретическом отношении и неприемлема — в практическом.

Во-первых, отождествление вины с субъективной стороной преступления не соответствует законодательной характеристике вины. Согласно ч. 1 ст. 24 УК, виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Значит, закон рассматривает вину как родовое понятие умысла и неосторожности и иных психологических моментов в понятие вины не включает. Попутно можно заметить, что именно такое понимание вины встречается и в законодательстве некоторых государств (ч. 1 ст. 21 УК Республики Беларусь). Законодатель относит к содержанию вины, т.е. умысла и неосторожности, лишь сознание и волю, не оставляя места для мотива, цели и иных признаков, характеризующих психическую активность субъекта в связи с совершением преступления. Во-вторых, в трактовке П.С. Дагеля вина представляет собой недостаточно конкретное понятие как в плане ее психологического содержания, так и с точки зрения ее юридической характеристики. Включение в вину мотива, цели, эмоций, заведомости и других психологических признаков, круг которых точно не определен, вносит путаницу в решение вопроса о форме вины и лишает эти признаки самостоятельного значения как признаков субъективной стороны, хотя в законе такое значение им нередко придается. В-третьих, рассматриваемая концепция логически непоследовательна. Перечисляя признаки состава, характеризующие вину, П.С. Дагель ставил мотив и цель на один уровень с умыслом и неосторожностью. Но при анализе содержания умысла и неосторожности он ставил мотив и цель в один ряд уже не с умыслом и неосторожностью, а с сознанием и волей¹. Получается, что в одном случае мотив и цель рассматриваются как признаки, характеризующие вину наряду с умыслом и неосторожностью, а в другом «являются элементами самого психического отношения субъекта, элементами самого умысла»².

¹ Дагель П.С. Понятие вины в советском уголовном праве // Материалы XIII научной конференции ДВГУ. Ч. IV. Владивосток, 1968. С. 125.

² Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 83.

В-четвертых, в философском плане неприемлема позиция автора, по мнению которого форма вины определяется соотношением лишь сознания и воли, а «остальные психологические элементы... на форму вины не влияют, хотя и входят в содержание вины»¹. И далее автор продолжает: «Форма вины, следовательно, эже, чем ее содержание»². Вряд ли можно признать правильным, что, с одной стороны, форма не вмещает всего содержания, слишком узка для него, а с другой — признается существование «бесформенного» содержания, его наличие где-то вне формы.

Таким образом, отождествление вины с субъективной стороной преступления с теоретических позиций представляется неосновательным, а с практической точки зрения — неприемлемым.

Некоторыми учеными вина рассматривается как понятие более широкое, чем субъективная сторона преступления. Так, по мнению Ю.А. Демидова, вина «не может сводиться к какому-либо элементу преступления, хотя бы к умыслу и неосторожности, или к деянию, взятому с его объективной стороны. Она равно выражается как в объективной, так и в субъективной стороне преступления»³. Он утверждал, что «содержание вины необходимо видеть в совершении преступления конкретным лицом, в единстве объективных и субъективных обстоятельств, в которых выразилась вина — отрицательное отношение лица к ценностям социалистического общества»⁴.

Эту же точку зрения разделяет Г.А. Злобин: «Вина, составляющая субъективную сторону преступного деяния, одновременно выступает как целостная характеристика преступления во всех его существенных для ответственности отношениях... Эти свойства вины и делают ее необходимым и достаточным основанием уголовной ответственности, в равной мере противоположным как объективному, так и абстрактно-субъективному вменению»⁵. Из

¹ Дагель П. С. Понятие вины в советском уголовном праве... С. 126.

² Дагель П. С. Содержание, форма и сущность вины... С. 81.

³ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 114.

⁴ Там же. С. 117—118.

⁵ Злобин Г.А. Виновное вменение в историческом аспекте // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 23.

приведенного высказывания явно просматривается стремление автора выделить два качества вины: как субъективной стороны преступления и как основания уголовной ответственности. Во втором случае вина рассматривается как «целостная характеристика преступления».

Судя по приведенным высказываниям, их авторы не считают вину одним из элементов субъективной стороны преступления, а наоборот, полагают, что вина включает в себя и объективную, и субъективную стороны преступного деяния, а также все другие «существенные для ответственности» свойства совершенного преступления, в которых выражается отрицательное отношение субъекта к важнейшим ценностям общества. Такая трактовка вины по существу возрождает концепцию «двух вин» Б.С. Утевского, которая в середине 50-х гг. была отвергнута отечественной правовой наукой и судебной практикой.

Позиция Б.С. Утевского, поддержанная, по существу, Ю.А. Демидовым, Г.А. Злобиным и некоторыми другими учеными, обусловлена тем, что в судебно-следственной практике термин «вина» употребляется в двух значениях. Если в науке уголовного права понятие вины означает не что иное, как наличие в совершенном деянии умысла или неосторожности, то на практике нередко говорят о вине как о доказанности самого факта совершения преступления данным конкретным лицом¹. отождествление вины с фактом совершения преступления означает объективирование вины, лишение ее конкретной определенности как юридического признака состава преступления. Такое понимание не согласуется и с уголовно-процессуальным законом, согласно которому установление факта совершения общественно опасного деяния, содержащего состав определенного преступления, предусмотренного уголовным законом, еще недостаточно для признания его виновным в совершении этого преступления (п. 3 и 4 ст. 303 УПК РФ).

¹ Именно такое понимание вины отстаивается В.П. Мальковым в статье «Субъективные основания уголовной ответственности» (Государство и право. 1995. № 1) и А.И. Плотниковым в монографии «Объективное и субъективное в уголовном праве (оценка преступления по юридическим признакам)». Оренбург, 1997.

В отечественной науке уголовного права преобладает мнение, что психологическое содержание субъективной стороны преступления раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель, характеризующих различные формы психической активности человека. Они органически связаны между собой и зависимы друг от друга, но тем не менее представляют самостоятельные психологические явления, ни одно из которых не может включать в себя других в качестве составной части. Каждый из названных признаков имеет различное значение.

Вина — определенная форма психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию — составляет ядро субъективной стороны преступления, но не исчерпывает полностью ее содержания. Она является *обязательным признаком* любого преступления, следовательно, при отсутствии вины нет и состава преступления. Однако вина не содержит в себе ответа на вопросы, *почему и для чего* виновный совершил преступление. Это устанавливается с помощью таких признаков субъективной стороны преступления, как мотив и цель.

Мотив преступления — это обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался при совершении преступления. *Цель* представляет собой субъективный образ желаемого результата действия или деятельности¹, т.е. идеальную мысленную модель будущего конечного результата, к достижению которого стремится субъект преступления. Ни мотив, ни цель не входят в содержание психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям, они лежат вне сферы интеллекта и воли как элементов вины. Мотивы и цели составляют базу, психологическую основу, на которой рождается вина. Как компоненты психической деятельности лица в связи с совершением преступления, т.е. как мотивы и цели *преступления*, они трансформируются из *непреступных* мотивов и целей *поведения*, безразличного для уголовного права, и в этом смысле имеют допреступное происхождение. Этого нельзя сказать о вине, которая не существует до и вне пре-

¹ См.: Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. С. 164.

ступления. Как уголовно-правовое явление (как психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию) вина возникает и проявляется лишь в момент совершения преступления. Рождаясь на основе уже существующих мотивов и целей, она не включает их в себя в качестве составных элементов. Мотивы и цели преступления, не входя в содержание вины, формируют такое психическое отношение лица к деянию и его последствиям, в котором проявляется сущность вины.

В литературе высказывалось суждение о том, что субъективная сторона преступления включает и такие признаки, как эмоции, аффект и заведомость. Однако это суждение вряд ли правильно.

Эмоции не являются элементом психического отношения лица к общественно опасному деянию, а означают психические переживания, которые могут испытываться до, во время или после совершения преступления. Чаще всего они не имеют юридического значения, особенно эмоции, переживаемые после совершения преступления. Но и в тех случаях, когда они имеют значение для оценки психологического содержания преступления, эмоции не являются самостоятельным признаком субъективной стороны преступления. «Эмоции, вызывающие желания, хотения и страсти, являются энергетическим компонентом мотива»¹. В отдельных случаях, учитывая большое *мотивообразующее* значение эмоций, законодатель придает им значение фактора, смягчающего ответственность. Например, сильный испуг может признаваться обстоятельством, смягчающим ответственность (совершение преступления под влиянием угрозы). Но и в этом случае эмоции в большей мере выражают социальную, нежели юридическую характеристику, и относятся скорее к субъекту преступления (подчеркивают особенности его психического состояния), чем к самому общественно опасному деянию: С учетом высказанных соображений эмоции следует признать не юридическим признаком субъективной стороны преступления, а социальным признаком, характеризующим личность виновного.

¹ *Зелинский А.Ф.* Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990. С. 19.

Аффект тоже не является элементом психического отношения к общественно опасному деянию. Он представляет определенное психическое состояние¹, вызванное неблагоприятными внешними обстоятельствами, и имеет весьма ограниченное юридическое значение (при убийстве и умышленном причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью). Хотя аффект и накладывает определенную окраску на интеллектуальные и волевые процессы, протекающие в психике виновного, но элементом этих процессов, образующих вину, не является.

Включение *заведомости* в число признаков субъективной стороны преступления также не является обоснованным. Заведомость — это не самостоятельный элемент психической деятельности человека, а особый *технический прием*, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъект при совершении деяния *достоверно знал* о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления или для назначения наказания.

Таким образом, содержание субъективной стороны преступления исчерпывается тремя признаками: виной, мотивом и целью, которые органически связаны между собой, взаимозависимы и взаимообусловлены. Между виной и прочими элементами субъективной стороны преступления существует тесная связь, не исключаящая, правда, самостоятельного юридического значения каждого отдельного признака. В отличие от вины, являющейся *необходимым* признаком *любого* состава преступления, мотив и цель характеризуют составы *лишь некоторых* преступлений, входя в них в качестве обязательных или квалифицирующих признаков либо обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность.

Субъективная сторона преступления имеет важное юридическое значение.

Во-первых, являясь элементом состава преступления, она представляет собой часть основания уголовной ответственности и, следовательно, отграничивает преступное поведение от неправо-

¹ См.: Ситковская О.Д., Коньщикова Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М., 2000. С. 44—58.

го. Так, не может быть признано преступлением причинение каких бы то ни было вредных последствий без вины, либо неосторожное совершение деяния, которое по закону является наказуемым только при умышленном совершении, а также совершение деяния без указанной в законе цели либо по иным, чем указано в законе, мотивам. Например, отсутствие цели подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации исключает диверсию, а при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности отсутствует состав злоупотребления должностными полномочиями.

Во-вторых, по субъективной стороне отграничиваются друг от друга составы преступлений, сходные по объективным признакам. Так, по формам вины различаются убийство и причинение смерти по неосторожности; по наличию или отсутствию цели нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти терроризм отличается от посягательств на личность или на собственность; по содержанию мотивов — умышленное причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью — от хулиганства.

В-третьих, содержанием субъективной стороны в значительной мере определяется степень общественной опасности как совершенного деяния, так и субъекта преступления, а значит — характер ответственности и размер наказания. Поэтому Пленум Верховного Суда РФ в постановлениях «О судебном приговоре», «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», «О практике назначения судами уголовного наказания» и др. подчеркивал необходимость тщательно исследовать содержание и направленность умысла, мотивы и цели преступления, проводить необходимое различие между преступлениями, совершенными умышленно и по неосторожности.

§ 2. Вина и ее основные характеристики

Уголовное право нашей страны всегда основывалось на принципе субъективного вменения, который в действующем УК приобрел статус законодательного. Его сущность заключается в том, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общест-

венно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, и что запрещается объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда (ст. 5 УК).

Вина является основным юридическим признаком, характеризующим психологическое содержание любого правонарушения. Поэтому она имеет общетеоретическое значение и подвергалась исследованию представителями различных отраслей юридической науки¹. Как верно было отмечено еще в прошлом столетии, «учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права. Оно — лучший показатель его культурного уровня»².

Вина — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и к его общественно опасным последствиям. Основными категориями, характеризующими вину, являются содержание, форма, сущность, степень и объем. Центральное место среди них занимает содержание вины.

Под содержанием философия понимает единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, которое представляет определяющую сторону явлений или объектов³. Вина как уголовно-правовое понятие — это психическое отношение, проявленное в конкретном преступлении. Его составными элементами являются сознание и воля. Различные комбинации сознательного и волевого элементов образуют разные модификации вины. Поэтому интеллект и воля — это элементы, совокупность которых образует содержание вины.

Вина — понятие юридическое, поэтому не следует чрезмерно психологизировать ее, стремясь во что бы то ни стало наполнить термины, с помощью которых закон определяет умысел и неосторожность, тем смыслом, который вкладывает в них психология, а

¹ См.: *Матвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955; *Лунев А.Е.* Административная ответственность за правонарушение. М., 1961; *Хвостов М.* Вина в советском трудовом праве. Минск, 1970 и др.

² *Фельдштейн Г.С.* Природа умысла. М., 1898. С. 2.

³ *Философский энциклопедический словарь.* 1983. С. 621.

тем более — дополнить характеристику форм вины психологическими терминами, не используемыми законодателем¹.

Вопреки устоявшимся в науке представлениям о содержании вины некоторые ученые предпринимают неосновательные попытки сузить психологическое содержание вины за счет исключения из него одного из двух элементов. Так, Н.Г. Иванов не видит в желании как элементе умысла самостоятельного значения и предлагает определить умысел только с помощью признака осознания общественно опасного и противоправного характера совершаемого деяния². С подобными попытками нельзя согласиться, поскольку они не только не соответствуют закону, но и не учитывают положений психологической науки, в соответствии с которыми «уголовно-правовое понятие вины не сводится к характеристике мыслительных процессов — оно включает и волевой компонент, это умышленный или неосторожный поступок, запрещенный законом»³.

Предметное содержание обоих элементов вины, т.е. совокупность фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение, определяется конструкцией состава конкретного преступления.

При совершении преступлений сознанием лица охватываются самые разнообразные обстоятельства. Так, грабитель осознает, в какое время суток совершается преступление, предвидит затруднения с реализацией награбленного, понимает вероятность его разоблачения и привлечения к уголовной ответственности и т.д. Однако все эти обстоятельства не характеризуют юридическую сущность грабежа, поэтому их осознание не входит в содержание вины. Предметом сознания как элемента вины в уголовном праве являются только те объективные факторы, которые определяют юридическую характеристику данного вида преступлений, т.е.

¹ Психологи справедливо отмечают избыточность психологической терминологии для описания юридических признаков, которые нужны законодателю и практике (см.: *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 26).

² См.: *Иванов Н.Г.* Умысел в уголовном праве РФ // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 16—168.

³ *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 1999. С. 40.

входят в число признаков состава этого преступления. Применительно к грабежу такими обстоятельствами являются, во-первых, то обстоятельство, что похищаемое имущество является для виновного чужим, во-вторых, открытый способ похищения имущества, в-третьих, имущественный ущерб, причиняемый собственнику. Если же говорить о разбое, то третье из названных обстоятельств находится за пределами состава этого преступления, поэтому и интеллектуальное отношение к нему не входит в содержание вины при разбое.

Итак, содержание *интеллектуального* элемента вины зависит от способа законодательного описания преступления. В него входит осознание характера объекта, фактического содержания и социального значения совершаемого действия или бездействия. При совершении преступлений с материальным составом в интеллектуальный элемент вины входит также и предвидение (либо возможность предвидения) общественно опасных последствий. Если законодатель вводит в число признаков состава преступления какой-либо дополнительный признак, характеризующий место, время, способ, обстановку и т.п., то осознание этих дополнительных признаков общественно опасного деяния также входит в содержание интеллектуального элемента вины.

Волевая сторона психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию образует *волевой* элемент вины, предметное содержание которого также определяется конструкцией состава преступления. Предметом волевого отношения субъекта является практически тот же круг фактических обстоятельств, которые составляют предмет интеллектуального отношения, т.е. обстоятельства, определяющие юридическую сущность деяния и в своей совокупности образующие состав данного преступления. Однако при этом необходимо выделить волевое отношение к главному объективному признаку состава преступления, в котором воплощается общественная опасность данного деяния. Отношение к этому признаку служит определяющим критерием при установлении формы вины.

Форма есть внутренняя структура устойчивых связей и взаимодействия элементов, свойств и процессов, образующих предмет

или явление, а также способ существования и выражения содержания¹. *Форма* вины определяется закрепленным в законе соотношением психических элементов (сознание и воля), образующих содержание вины, т.е. различиями в интенсивности и определенности интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике субъекта преступления. Она указывает на способ интеллектуального и волевого взаимодействия субъекта с объективными обстоятельствами, составляющими юридическую характеристику данного вида преступлений.

В уголовном законодательстве содержится описание двух форм вины: умысла и неосторожности. Каждая из названных форм вины делится на виды, умысел — на прямой и косвенный, а неосторожность — на легкомыслие и небрежность. Этим модификациям вины свойственно определенное сочетание интеллектуальных и волевых процессов, т.е. каждая разновидность вины имеет специфическое содержание. Вместе с тем прямой и косвенный умысел не имеют значения самостоятельных форм вины, а являются видами одной и той же формы. Общим для них (как для видов умышленной формы вины) с *интеллектуальной* стороны является осознание общественно опасного характера совершаемого деяния и предвидение общественно опасных последствий. В отличие от умысла оба вида неосторожности характеризуются отсутствием осознания реальной опасности деяния и предвидения общественно опасных последствий в конкретном случае. *Волевой* элемент обоих видов умысла заключается в *положительном* (в форме желания или сознательного допущения либо безразличия) отношении к общественно опасным последствиям, а волевой элемент обоих видов неосторожности состоит в *отрицательном* отношении к общественно опасным последствиям, наступления которых виновный старается избежать либо вообще не предвидит.

Форма вины имеет многообразное юридическое значение.

Во-первых, она является субъективной границей, отличающей преступное поведение от непроступного. Это касается прежде всего неосторожного совершения деяний, наказуемых лишь при умышленном их совершении.

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. С. 621.

Во-вторых, форма вины определяет квалификацию преступлений, если законодатель дифференцирует уголовную ответственность за совершение общественно опасных деяний, сходных по объективным признакам, но различающихся по форме вины. Так, форма вины служит разграничительным критерием между убийством (ст. 105 УК) и причинением смерти по неосторожности (ст. 109 УК), между умышленным (ст. 111 и 112 УК) и неосторожным причинением тяжкого или средней тяжести (ст. 118 УК) вреда здоровью, между умышленным (ст. 167 УК) и неосторожным (ст. 168 УК) уничтожением или повреждением имущества.

В-третьих, форма вины в сочетании со степенью общественной опасности лежит в основе законодательной классификации преступлений: в соответствии со ст. 15 УК к категориям тяжких и особо тяжких преступлений относятся только умышленные преступления.

В-четвертых, форма вины предопределяет условия отбывания наказания в виде лишения свободы. Согласно ст. 58 УК лица, осужденные к этому наказанию за преступления, совершенные по неосторожности, а также осужденные на срок не свыше пяти лет за умышленные преступления небольшой или средней тяжести, по общему правилу, направляются для отбывания наказания в колонию-поселение, а лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, отбывают наказание в исправительных колониях общего, строгого или особого режима либо в тюрьме.

В-пятых, некоторые институты уголовного права (приготовление, покушение, соучастие, рецидив) связаны только с умышленной формой вины.

В-шестых, наличие умышленной формы вины обосновывает, а неосторожной формы исключает постановку вопроса о преступных мотивах и целях.

С содержанием и формой тесно связана категория объема вины.

Определяя умысел и неосторожность, законодатель исходит из психического отношения только к деянию (действию или бездействию) и его последствиям. Казалось бы, виной не охватывается отношение к таким признакам, как место, время, способ, обстановка совершения преступления и т.п. Однако такой вывод был бы

ошибочным, поскольку он основан на чрезмерно узком толковании термина «деяние», понимаемого только как родовое понятие действия или бездействия. Между тем деяние — это не просто активная либо пассивная форма поведения, а поступок, совершаемый определенным способом в конкретных условиях, времени и т.п. Причем нередко именно эти обстоятельства придают деянию общественно опасный характер. Так, занятие охотой в виде промысла либо в качестве «хобби» превращается в уголовно наказуемое браконьерство, если совершается вне установленных мест, недопущенными способами или в запрещенное время. В таких случаях осознание общественно опасного характера совершаемого деяния означает неперемное понимание не только фактической стороны совершаемых действий (выслеживание и добыча зверя или птицы), но и того, что они совершаются незаконными способами либо в запрещенных местах или в запретные сроки.

Иное положение складывается, если названные объективные признаки не являются имманентным свойством самого деяния, а служат квалифицирующими признаками либо обстоятельствами, смягчающими или отягчающими ответственность. В этих случаях психическое отношение к действию (бездействию) и к прочим объективным признакам преступления может быть неоднородным, например, действие — желаемым, а квалифицирующее последствие — непредвиденным, причиняемым по небрежности. Из совокупности разнородных психических отношений следует выделить отношение к признаку, определяющему в концентрированном виде общественную опасность деяния, т.е. в формальных составах — к действию (бездействию), а в материальных — к последствию. Оно и определяет форму вины. Отношение же к остальным объективным признакам деяния, входя в содержание вины, на ее форму не влияет. Совокупность психических отношений виновного ко всем объективным признакам, инкриминируемым субъекту, составляет *объем вины*. Он устанавливает границы круга фактических обстоятельств, выражающих юридическую сущность совершаемого деяния, виновное отношение к которым обосновывает возможность их вменения субъекту преступления. Иными словами, объем вины устанавливает конкретные пределы ее содержания.

Как уголовно-правовое явление вина существует только в преступлении, которое представляет собой социальный феномен. Поэтому и вина есть социальное явление. Именно *социальная сущность* вины позволяет обосновать осуждение, порицание общественно опасного поведения субъекта.

Вопрос о социальной сущности вины затрагивался русскими криминалистами еще в прошлом столетии. Так, Н.С. Таганцев¹ и Э.Я. Немировский² определяли социальную сущность вины как психологическую настроенность правонарушителя против существующего правопорядка. В советском праве выяснение социальной сущности вины составляет важную теоретическую проблему, так как в советском обществе преступление посягает на интересы народа и осуждается от имени государства.

Некоторые советские ученые, касаясь вопроса о социальной сущности вины, отмечали, что само психическое отношение лица к деянию (вина) является предметом отрицательной оценки и порицается от имени государства и общества³. На это следовало весьма веское возражение, что неверно было бы распространять момент государственного осуждения только на вину, так как «моральной, политической, юридической, короче говоря, классовой оценке подлежит все деяние в целом, ибо только все деяние в целом способно причинить тот или иной с точки зрения его общественного значения результат»⁴. К этому добавляется убедительный аргумент, что «момент порицания, осуждения есть момент вторичный, есть следствие социально-политической сущности вины»⁵. Действительно, вина оценивается отрицательно не только как формально-юридическая категория, а как психическое отношение к деянию, в котором проявляются определенные антисоциальные черты, свойства и привычки самого правонарушителя.

¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. СПб., 1902. С. 571—577.

² См.: Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 190—191.

³ См.: Макашвили В.Г. Вина и сознание противоправности // Методические материалы ВЮЗИ. Вып. 2. М., 1948. С. 92.

⁴ Никифоров А.С. Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности // Ученые записки ВИЮН. Вып. 1. М., 1955. С. 136.

⁵ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 43.

До последнего времени наиболее распространенным был взгляд на социальную сущность вины как на отрицательное отношение лица к важнейшим интересам общества, выраженное в общественно опасном деянии. Благодаря вине деяние является не просто объективно противоправным, но и свидетельствует об определенном отрицательном отношении правонарушителя к интересам общества либо к правам и законным интересам отдельных граждан. По мере того, как аксиологические (ценностные) аспекты права были исследованы достаточно глубоко, некоторые ученые стали приходить к выводу, что категория «интерес» является слишком узкой и входит в более широкое понятие «ценности». Кроме того, определение социальной сущности вины через категорию ценностей стало необходимым еще и потому, что вина служит обоснованию отрицательной оценки, осуждения преступника, следовательно, определение вины должно нести этическую нагрузку, которая интерес, в отличие от ценности, не несет¹. Поэтому более точным будет определение социальной сущности вины как неправильного отношения к наиболее важным ценностям социалистического общества, выраженного в общественно опасном деянии².

В приведенных определениях вызывает сомнение правомерность характеристики отношения к социальным ценностям во всех случаях как *отрицательного*. В литературе уже обращалось внимание на неприменимость такой характеристики к большинству неосторожных преступлений³. Качественное различие в психологическом содержании умысла и неосторожности обусловлено различием в ценностных ориентациях субъектов умышленного и неосторожного преступлений. Конечно, иногда в неосторожных преступлениях может проявиться именно отрицательное отношение к основным ценностям общества. О нем могут свидетельствовать сознательное грубое нарушение профессиональной предосторожности либо злостное или систематическое пренебрежение

¹ См.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. С. 111.

² См.: Там же. С. 112.

³ См., например: Куринов Б.А. Рецензия на монографию И.С. Самошенко «Понятие правонарушения в советском законодательстве» // Советское государство и право. 1964. № 3. С. 137.

нормами социального поведения. Одним из показателей отрицательных ценностных ориентаций неосторожного преступника является предшествующее привлечение его к дисциплинарной, административной или иной юридической ответственности за нарушение норм социального поведения. Но и у таких лиц уровень деформации ценностных ориентаций значительно ниже, чем у лиц, совершающих умышленные преступления. В большинстве случаев ценностные ориентации субъектов неосторожных преступлений гораздо ближе к направленности благополучных в криминальном отношении граждан, чем к ориентациям лиц, совершающих преступления умышленно. Поэтому вряд ли правильно одним и тем же термином характеризовать искаженное отношение к социальным ценностям лиц, совершающих преступления с умыслом, и лиц, виновных в совершении преступлений по неосторожности. Отношение последних к признанным социальным ценностям общества точнее определять не как отрицательное, а как недостаточно бережное и внимательное. Оно может иметь различные оттенки: пренебрежение, беспечность, невнимание, недостаточное внимание. Но при этом общественно опасный результат всегда является для виновного нежелательным и неожиданным.

Следовательно, социальную сущность вины составляет отрицательное (что характерно для умысла) либо пренебрежительное, или недостаточно внимательное (что характерно для неосторожности) психическое отношение к основным социальным ценностям, проявившееся в конкретном преступном деянии.

Одним из основных показателей, характеризующих вину, является ее *степень*. Так же, как и понятие сущности вины, понятие степени вины в уголовном законодательстве отсутствует и в настоящее время носит скорее теоретический характер. Тем не менее теоретическая разработка степени вины имеет определенное практическое значение, тем более что судебная практика применяет это понятие достаточно широко. Для дальнейшего внедрения этого показателя вины в судебную практику необходимо максимально его конкретизировать и разработать определенные показатели объективного характера.

Степень вины изучали многие ученые, но единства в трактовке этого понятия до сих пор не достигли, как и в толковании многих других уголовно-правовых понятий, носящих оценочный характер. Задача заключается в том, чтобы приспособить это понятие к нуждам судебной практики, снабдив его объективными критериями.

Некоторые исследователи вины усматривали разницу в ее степени в различиях между умыслом и неосторожностью¹ и тем самым смешивали качественные и количественные характеристики вины. Другие ученые под степенью вины подразумевали определенный уровень интенсивности интеллектуальных и волевых процессов, составляющих в своей совокупности содержание вины², т.е. считали степень вины чисто психологической категорией, лишённой социально-этической нагрузки. Было высказано и мнение, что «вопрос о степенях вины лежит за рамками признания наличия умысла или неосторожности. Он разрешается не только в зависимости от наличия этих признаков, а в зависимости от всех обстоятельств дела, объективных и субъективных, т.е. зависимости от степени вины как основания уголовной ответственности»³. Искусственно разрывая юридическую и социальную сущность вины, сторонники этой точки зрения относят юридическую сущность к умыслу и неосторожности, а социальную сущность — к общественно опасному деянию в целом.

Следует подчеркнуть, что степень вины — это количественная характеристика не юридической, а социальной сущности вины, а именно — характеристика глубины деформированности социальных ориентаций субъекта. Она определяется не только формой вины, но и особенностями психической деятельности лица, целями и мотивами его поведения, личностными особенностями и т. д. «Лишь совокупность формы и содержания вины с учетом всех особенностей психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин определяет степень отрицательного отношения лица к интересам

¹ См.: *Ошерович Б. К.* вопросу о степенях виновности // Ученые записки ВИЮН. Вып. 1. М., 1940. С. 68—69.

² См.: *Макашвили В. Г.* Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957. С. 13, 18.

³ *Утевский Б. С.* Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 74.

общества, проявленного в совершенном лицом деянии, т.е. степень его вины»¹.

Влияние вины на ее степень бесспорно. В умышленном преступлении виновный, сознательно посягая на социальные ценности, определенно проявляет свое отрицательное к ним отношение, а при неосторожном преступлении такая определенность отсутствует. Следовательно, ценностные ориентации при умысле более деформированы, чем при неосторожности. Сложнее соизмерить соотносительную тяжесть видов умысла и видов неосторожности. Если сравнивать прямой и косвенный умыслы при одинаковых прочих условиях, то прямой умысел всегда опаснее косвенного. Так, человек, желающий смерти многих людей, опаснее человека, открывшего в толпе беспорядочную стрельбу, а лицо, сознательно допускающее смерть больного в поджигаемом доме, менее опасно, чем поджигатель, стремящийся причинить смерть тому же больному. В постановлении от 22 сентября 1989 г. «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда ССР при рассмотрении уголовных дел об умышленных убийствах» говорится: «При назначении наказания за умышленное убийство суды обязаны учитывать совокупность всех обстоятельств, при которых оно совершено: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановку и стадию совершения преступления, тяжесть наступивших последствий, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность»². Не случайно на первое место среди субъективных признаков умышленного убийства был поставлен вид умысла как фактор, влияющий на опасность преступления. Это разъяснение, не раз повторенное Пленумом Верховного Суда РФ, в полной мере относится ко всем умышленным преступлениям. И точно так же следует устанавливать вид неосторожности по всем делам о преступлениях, совершенных с этой формой вины, поскольку легкомыслие всегда опаснее небрежности. При легкомыслии виновному приходится преодолевать контрмотивы, удерживающие его от неразумного поступка, и он не только не воздер-

¹ Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления. Владивосток, 1972. С. 17.

² Бюллетень Верховного Суда ССР. 1989. № 6. С. 8.

живается от чреватого последствиями действия, но даже не дает себе труда тщательно оценить все детали сложившейся обстановки и ее возможные социальные последствия. Такое отношение к деянию, безусловно, опаснее небрежности, при которой виновный совершает опасный поступок только потому, что не предвидит возможных вредных последствий.

Помимо форм и видов вины на ее степень влияют особенности содержания интеллектуального и волевого процессов, происходящих в психике виновного. Объем и определенность сознания, характер предвидения, преднамеренность, настойчивость в достижении цели могут существенно повлиять на степень вины при умысле. Степень легкомыслия в оценке обстановки, характер обязанности предвидеть и причины непредвидения последствий могут повысить или снизить степень неосторожной вины.

Влияние мотива и цели на степень вины осуществляется не непосредственно, не в качестве ее составных элементов (каковыми эти признаки не являются), а в силу их диалектической взаимосвязи с интеллектуальной и волевой сторонами психики человека. «Именно мотив является связывающим звеном между сознанием и волей индивида. Более того, именно он связывает все объективные и субъективные признаки состава в единое целое»¹. Цель и мотив определяют постановку конкретных задач реальных действий, выбор средств и способов их решения. На их основе возникает идеальная мысленная модель преступного деяния, следовательно, они представляют тот фундамент, на котором рождается реальное психическое отношение лица к общественно опасному деянию, то есть вина. Являясь непосредственным порождением неправильных ценностных ориентации человека, они несут отрицательный в социальном плане заряд в психическую деятельность этого лица, связанную с определенным общественно опасным деянием, придают этой психической деятельности предосудительный, порицаемый характер.

Особенности объекта и объективной стороны, а иногда и особые свойства предмета посягательства оказывают влияние на степень вины через содержание умысла или неосторожности. Напри-

¹ Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев. 1977, С. 61.

мер, осознание общественной опасности конкретного преступления предполагает, что виновный предвидит не абстрактный вред своего деяния, а наступление в каждом случае вполне определенного по характеру и количественным показателям вреда: легкого, средней тяжести либо тяжкого вреда здоровью. Поэтому осознание большей или меньшей тяжести причиняемого вреда означает большую или меньшую степень отрицательного отношения к основным социальным ценностям. То же самое касается и других объективных черт преступного деяния.

Таким образом, степень вины — это оценочная категория, содержащая психологическую и социальную характеристику вины с ее количественной стороны и выражающая меру отрицательного, пренебрежительного или недостаточно внимательного отношения лица, виновного в совершении преступления, к основным социальным ценностям. Степень вины конкретного лица в совершении определенного преступления является непосредственным выражением меры искажения ценностных ориентаций виновного. Поэтому она находится в прямой зависимости с величиной уголовно-правового принуждения, необходимого для устранения дефектов в социальных ориентациях правонарушителя, с характером и размером назначаемого ему наказания.

Обобщая все изложенное, можно дать следующее развернутое определение вины:

Вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей.

§ 3. Умысел и его виды

Умысел — наиболее распространенная форма вины. По состоянию на 31 июля 2001 г. УК РФ предусматривал ответственность за 269 преступлений, из которых 217 (81,6%) являются умышленными, 23 (8,6%) характеризуются альтернативной формой вины, т.е. могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности, и 29 преступлений (10,8%) являются неосторожными. Выборочные ис-

следования показывают, что и в реальной жизни удельный вес умышленных преступлений достигает 90—92 % от общего числа совершенных преступных деяний. Этим обусловлена необходимость углубленного исследования психологического содержания и социальной сущности умышленной формы вины, что соответствует и требованию Верховного Суда РФ, который, в частности, в постановлении от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» обратил внимание судов на обязательность учета вида умысла, мотивов и целей преступления при назначении наказания.

В зависимости от психологического содержания умысел подразделяется на два вида — прямой и косвенный. В соответствии с законом преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

Сознание общественно опасного характера совершаемого деяния и предвидение общественно опасных последствий определяют процессы, протекающие в сфере сознания, поэтому они составляют *интеллектуальный элемент* прямого умысла, а желание наступления указанных последствий, определяя волевую сторону психической деятельности, образует *волевой элемент* прямого умысла.

Предметом сознания как элемента умысла являются прежде всего те фактические обстоятельства, из которых складывается общественно опасное деяние. Но в то же время «умысел — понятие с социальным содержанием, ввиду чего сознание одних только фактических элементов не может обосновать ответственности лица за умышленное преступление»¹. Умысел представляет собой отражение в психике человека важнейших фактических и социальных свойств совершаемого деяния. Поскольку главным социальным признаком преступного деяния, определяющим его материальное содержание, является общественная опасность, то в содержание умысла прежде всего включают осознание общественно опасного

¹ Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 30.

характера деяния. Из этого следует, что предметом сознания при умысле являются, во-первых, фактическое содержание совершаемого деяния и, во-вторых, его социальное значение.

Общественно опасным является лишь такое деяние, которое по своим объективным фактическим свойствам способно причинить вред определенным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, то есть посягает на определенный объект. Эта направленность на конкретный объект является одним из критериев общественной опасности деяния и, безусловно, должна охватываться сознанием лица, действующего умышленно. Разумеется, осознание лицом объекта преступления не равнозначно знанию его юридической определенности. Субъект умышленного преступления может не знать точно, на какой непосредственный объект посягает его деяние, но должен сознавать, что причиняет вред определенным охраняемым уголовным законом интересам личности, общества или государства. Так, намеренно причиняя легкие телесные повреждения при совершении хулиганских действий, субъект действует умышленно независимо от того, считает ли он основным объектом посягательства здоровье потерпевшего или общественный порядок. Определяющим является то, что виновный понимает характер совершаемого деяния и в общих чертах осознает, на какую сферу общественных отношений он посягает.

Осознанию общественно опасного характера совершаемого деяния помогает не только отражение (хотя бы в общих чертах) объекта преступления, но и понимание социального значения всех фактических свойств совершаемого деяния. К таким свойствам относятся место, время, способ, обстановка совершаемого преступления, которые, будучи включенными законодателем в объективную сторону преступления, содержат дополнительную характеристику действия или бездействия, становятся их индивидуальными фактическими признаками. Так, грабитель осознает не только факт изъятия чужого имущества, но и то, что имущество похищается им открытым *способом*. Сознанием же браконьера охватывается не только факт незаконной охоты, но и то обстоятельство, что она осуществляется на территории государственного заповедника, т.е. в определенном *месте*. В обоих случаях речь идет об осознании

виновным дополнительных признаков действия, которые придают деянию новые социальные качества и существенно влияют на степень его общественной опасности.

В содержание умысла не входит осознание признаков самой субъективной стороны и признаков, характеризующих субъекта преступления. Если же речь идет о преступлениях со специальным исполнителем, то умыслом виновного должны охватываться не сами по себе дополнительные признаки субъекта, а *характер* нарушенных виновным *специальных обязанностей*, которые определяют специфические свойства самого деяния.

Осознание общественной опасности деяния не следует отождествлять с осознанием его противоправности, т.е. запрещенности уголовным законом. В подавляющем большинстве случаев лица, совершающие умышленные преступления, осознают их противоправность. Однако закон не включает осознание противоправности совершаемого деяния в содержание умышленной формы вины, поэтому преступление может быть признано умышленным и в тех весьма редких случаях, когда противоправность совершенного деяния не осознавалась виновным, поскольку российское уголовное право последовательно придерживается принципа *ignorantia legis neminem excusat* (незнание закона никого не извиняет).

Итак, первым признаком интеллектуального элемента прямого умысла является осознание общественно опасного характера совершаемого деяния, т.е. хотя бы общей характеристики объекта посягательства, а также фактического содержания и социальных свойств всех составных элементов действия или бездействия.

Вторым интеллектуальным признаком прямого умысла является *предвидение* общественно опасных последствий совершаемого деяния. Под предвидением подразумевается отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем. Поэтому предвидение общественно опасных последствий следует понимать как мысленное представление виновного о том вреде, который будет причинен его деянием общественным отношениям, находящимся под охраной уголовного закона. При прямом умысле предвидение включает представление о фактическом содержании предстоящих изменений в объекте преступления,

понимание их социального значения, т.е. вредности для охраняемых законом общественных отношений, а также осознание причинно-следственной зависимости между собственным деянием и его общественно опасными последствиями. При этом опережающее сознание субъекта может отражать не все детали, а лишь общий характер причинно-следственной цепи.

В одном из определений Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что осуждение Ф. за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является необоснованным, поскольку установленные судом обстоятельства не позволяют утверждать, будто Ф. предвидела, что в результате ее действий потерпевшая упадет и получит закрытый перелом шейки левого бедра со смещением, поэтому квалификация преступления как умышленного исключается¹. В данном случае Ф. не осознавала причинно-следственной зависимости между своими действиями и причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей и не предвидела такого последствия, поэтому умысел исключается.

Судебная практика свидетельствует о том, что для прямого умысла характерным является предвидение *неизбежности* наступления общественно опасных последствий. «Желание, — писал известный советский психолог С.Л. Рубинштейн, — переходит в подлинно волевой акт, когда к знанию цели присоединяется установка на ее реализацию, *уверенность* (выделено мною. — Л.Р.) в ее достижимости и направленность на овладение соответствующими средствами»². Характерная для прямого умысла намеренность в достижении определенного результата связана с обязательным условием осуществимости этого намерения. А оно, с точки зрения лица, действующего с прямым умыслом, осуществимо, если планируемые последствия должны наступить в обязательном порядке. Конечно, речь не идет о фактической неизбежности планируемых последствий, поскольку она зависит не только от желания и действий субъекта, но и от многих других объективных факторов, частично или совсем не зависящих от воли виновного. Речь идет о мысленной (построенной в сознании субъекта) модели причинно-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 12. С. 13.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 514.

следственной связи, в которой причина (деяние) обязательно вызывает следствие (желаемый результат). Именно уверенность в неизбежности, закономерности наступления последствий побуждает виновного действовать ради их достижения.

При совершении преступления с прямым умыслом предвидение не неизбежности, а лишь реальной возможности наступления общественно опасных последствий возможно лишь тогда, когда избранный виновным способ осуществления преступления может с примерно равной степенью вероятности вызвать разноплановые последствия. Например, сбрасывая жертву из тамбура движущегося поезда, преступник понимает, что закономерным результатом падения будет смерть или любой другой вред здоровью потерпевшего. Желаемый результат (смерть) является закономерным, но заведомо не единственно возможным, поэтому она предвидится не как неизбежное, а лишь как реально возможное последствие.

Следовательно, интеллектуальный элемент прямого умысла складывается из осознания общественной опасности совершаемого деяния и предвидения, как правило, неизбежности, а в исключительных случаях — реальной возможности наступления общественно опасных последствий.

Волевой элемент прямого умысла, характеризующий направленность воли субъекта, определяется в законе как *желание* наступления общественно опасных последствий. «Желание — это опредмеченное стремление, оно направлено на определенный предмет. Зарождение желания означает всегда поэтому возникновение и постановку цели. Желание — это целенаправленное стремление»¹. Как стремление к определенному результату желание может иметь различные психологические оттенки. Желаемыми являются не только те последствия, которые приятны виновному, доставляют ему внутреннее удовлетворение, но и те, которые при внутренне отрицательном эмоциональном отношении к ним со стороны виновного представляются ему тем не менее нужными или неизбежными на пути удовлетворения потребности, ставшей побудительной причиной к действию. «При другом взгляде на сущность умысла, при отнесении к нему только желанных послед-

¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 513.

ствий, т.е. таких, которые представляются ему приятными, в области умысленной вины осталось бы только незначительное количество преступных деяний, предпринимаемых ради них самих, не преследующих других целей, кроме причинения запрещенного результата»¹.

Итак, желание как элемент умысла заключается в стремлении к определенным последствиям, которые могут выступать в одном из следующих качеств: 1) конечной цели (например, убийство из ревности, мести); 2) промежуточного этапа на пути к достижению конечной цели (убийство с целью облегчить совершение другого преступления); 3) средства достижения цели (убийство с целью получения наследства убитого); 4) неизбежного сопутствующего элемента деяния. Отдельными авторами высказывается мнение, что прямому умыслу свойственно представление об общественно опасных последствиях только как о конечной цели деяния или как о средстве достижения конечной цели; представление о последствиях как побочном результате действий виновного характерно только для косвенного умысла². Такое мнение не может быть поддержано, поскольку оно не соответствует законодательному описанию прямого и косвенного умысла в ст. 25 УК.

Данное в законе определение умысла ориентировано на преступления с материальным составом, поэтому желание связывается в нем только с общественно опасными последствиями, в которых воплощается причиняемый объекту вред. Однако в Уголовном кодексе РФ большинство составов преступлений сконструированы по типу формальных, поэтому последствия лежат за пределами их объективной стороны и не могут быть предметом ни интеллектуального, ни волевого отношения. В преступлениях с формальным составом признаком объективной стороны, воплощающим общественную опасность деяния, является само запрещенное законом действие или бездействие. Поэтому в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию). Так, лицо, виновное в клевете, осознает, что распространяемые им свиде-

¹ *Немировский Э.Я.* Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 278.

² См.: *Питецкий В.* Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение репрессии // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 49.

ния являются ложными и при этом порочат честь и достоинство другого лица либо подрывают его репутацию, и желает распространять такие сведения. Аналогично насильник, осознавая, что вступает в половое сношение с женщиной вопреки ее воле посредством применения насилия, во всех случаях желает совершить действия, обладающие именно такими социальными свойствами. Следовательно, при совершении преступлений с формальным составом волевой элемент умысла всегда заключается в *желании совершить общественно опасные действия*, запрещенные уголовным законом, т.е. он может быть только прямым.

Помимо содержания важным показателем прямого умысла является его *направленность*, которая во многих случаях определяет квалификацию преступления. Под направленностью умысла понимается мобилизация интеллектуально-волевых усилий виновного на совершение деяния, посягающего на *определенный объект*, совершаемого *определенным способом*, причиняющего *конкретные последствия*, характеризующегося наличием определенных *смягчающих и отягчающих обстоятельств*. Учитывая значение направленности умысла для квалификации преступлений, Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал необходимость ее установления по конкретным делам. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что деяние не является преступлением, если умысел лица «после приобретения маковой соломки был направлен на доставку ее к месту своего жительства для *личного пользования*»¹; что убийство может быть квалифицировано как совершенное с особой жестокостью, если умысел виновного был направлен на причинение, в частности, особых страданий близким потерпевшего²; что убийство может квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК только при условии, что умысел был направлен на лишение жизни именно двух лиц (смерть обоих охватывалась единым умыслом)³, что хищение квалифицируется как кража или грабеж в зависимости от направленности умысла на изъятие имущества тайным или открытым способом⁴.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 10. С. 8.

² См.: Там же. № 10. С. 7.

³ См.: Там же. № 11. С. 19.

⁴ См.: Там же. № 12. С. 14.

Вторым видом умысла, выделяемым в законе по психологическому содержанию, является **косвенный умысел**. В соответствии с законодательным определением он заключается в том, что лицо, совершающее преступление, осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично.

Осознание общественно опасного характера деяния при косвенном умысле по существу не отличается от соответствующего признака прямого умысла. Что же касается характера предвидения при косвенном умысле, то по этому вопросу в науке уголовного права высказывались две точки зрения. Одни ученые считали, что лицо, действующее с косвенным умыслом, предвидит возможность либо неизбежность наступления общественно опасных последствий, другие полагали, что сознательное допущение последствий психологически совместимо только с предвидением возможности их наступления. Вторая точка зрения разделялась высшими судебными органами СССР, РСФСР и РФ, которые предвидение неотвратимости последствий связывали с прямым умыслом, а предвидение их возможности — в основном с косвенным¹.

Психологически невозможно не желать, а лишь сознательно допускать наступление последствий, которые неизбежно причиняются осознанными и волевыми действиями виновного. Если лицо желает совершить определенные действия, понимая, что их неизбежным результатом будет наступление общественно опасных последствий, то желание распространяется не только на сами действия, но и на их последствия, поскольку те и другие составляют единую криминальную ситуацию. То есть в силу диалектической зависимости сознания и воли неизбежное сопутствующее последствие, будучи элементом единой преступной ситуации, является так же желаемым, как и причиняющее его деяние. Следовательно, интеллектуальный элемент косвенного умысла характеризуется предвидением только возможности, но не неизбежности наступле-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1968. № 3. С. 21, № 5. С. 12—13; 1970. № 5. С. 22.

ния общественно опасных последствий. Эта точка зрения нашла свое законодательное закрепление в ч. 3 ст. 25 УК¹.

Возможность наступления последствий как предмет предвидения при косвенном умысле в литературе нередко определяется как «реальная». Термин «реальная возможность» точно передает оттенок в характере предвидения при косвенном умысле. Возможность наступления общественно опасных последствий предвидится как реальная, если субъект считает эти последствия закономерным результатом развития причинной связи именно в данном конкретном случае. Если же лицо, сознавая закономерность наступления подобных последствий во многих *других* аналогичных случаях, не распространяет ее на *данную* конкретную ситуацию (абстрагируется от нее), то можно говорить о предвидении лишь абстрактной возможности наступления общественно опасных последствий. Сознательное допущение совместимо с предвидением только реальной, а не абстрактной возможности наступления преступных последствий, ибо невозможно соглашаться на последствия, которые не являются закономерными для данного конкретного случая. Содержание косвенного умысла в том и состоит, что лицо, осознавая общественно опасный характер своего деяния, предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и сознательно допускает их наступление. Следовательно, различие в психологическом содержании прямого и косвенного умысла имеется не только в сфере воли, но и сознания. Различие в интеллектуальном элементе обоих видов умысла заключается в неодинаковом характере предвидения: при прямом умысле виновный предвидит, как правило, неизбежность, а при косвенном — только реальную возможность наступления общественно опасных последствий. Однако главное, решающее отличие косвенного умысла от прямого коренится в волевом элементе: прямой умысел характеризуется желанием, а косвенный — сознательным допущением общественно опасных последствий либо безразличным к ним отношением.

¹ Отдельными учеными продолжает отстаиваться мнение, что предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий возможно и при косвенном умысле (см.: *Питецкий В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение репрессии // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 49*), однако оно противоречит действующему УК.

Сознательное допущение — это специфическая форма положительного отношения к общественно опасным последствиям. При характеристике косвенного умысла слова: «не желало» нельзя понимать как негативное отношение к вредным последствиям, как активное их нежелание, т.е. стремление избежать наступления последствий. Наоборот, это отношение является позитивным, одобрительным, хотя у виновного и нет прямой заинтересованности в причинении вредных последствий. Тем не менее он *сознательно* допускает их наступление, заранее соглашается с их причинением. Эти последствия являются как бы той ценой, которую виновный готов заплатить ради достижения своих целей, лежащих, как правило, за рамками состава данного преступления или во всяком случае не совпадающих с его преступными последствиями. Сознательное допущение означает, что виновный своими волевыми действиями вызывает определенную цепь событий и *сознательно*, т.е. намеренно, допускает такое развитие причинно-следственной цепи, которое приводит к наступлению общественно опасных последствий. В этом проявляется определенное содержание воли, довольно близкое по своей психологической сущности к желанию. Именно положительное, одобрительное отношение к последствиям сближает сознательное допущение с желанием, делает их разновидностями волевого содержания одной и той же формы вины.

Волево содержание косвенного умысла может проявляться не только в сознательном допущении общественно опасных последствий, но и в *безразличном отношении* к их наступлению. Оно по существу мало чем отличается от сознательного допущения и означает отсутствие активных эмоциональных переживаний в связи с общественно опасными последствиями, реальная возможность наступления которых отражается опережающим сознанием виновного. В этом случае субъект причиняет вред, что называется, «не задумываясь» о вредных последствиях совершаемого деяния, возможность причинения которых представляется ему весьма реальной.

Психологическая конструкция косвенного умысла резко сужает сферу его возможного бытия, поскольку он может существовать только в преступлениях с материальным составом. Правда, в юридической литературе предпринимались попытки доказать, что косвен-

ный умысел возможен и в формальных составах. Их обосновывали по-разному. Одни ученые исходили из того, что в преступлениях с формальным составом, так же как и с материальным, вина тоже представляет психическое отношение не только к действиям или к бездействию, но и к общественно опасным последствиям¹. Однако эта посылка не является корректной, поскольку отношение к последствиям, не имеющим юридического значения и поэтому не включенным в число признаков состава преступления, не может определять содержание вины как уголовно-правового феномена. Другие ученые, конструируя косвенный умысел в преступлениях с формальным составом, вопреки закону определяют волевое отношение в виде сознательного допущения по отношению не к последствиям, а к социальным свойствам совершаемого деяния, т.е. к его общественной опасности. Так, по мнению одного из сторонников такой позиции, «хулиганство с косвенным умыслом имеет место тогда, когда субъект предвидит, что его действия могут нарушить общественный порядок, затронуть общественные интересы, и совершает их, сознательно допуская объективное проявление неуважения к обществу»². Однако грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу — это не последствие, а социальное свойство хулиганских действий, придающее им общественно опасный характер, и поэтому составляет предмет сознания, а не воли. Смешивая социальные свойства преступного деяния с общественно опасными последствиями и тем самым отступая от законодательного определения косвенного умысла, пытаются конструировать его в преступлениях с формальным составом и авторы некоторых учебников. Утверждения о возможности косвенного умысла можно встретить по отношению к таким преступлениям, как половое сношение с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, хулиганство и др.³. С этими утверждениями вряд ли можно согласиться, поскольку они противоречат законодательному определению и психологической

¹ См.: *Немировский Э.Я.* Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 167; *Утевский Б.С.* Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 238; *Никифоров Б.С.* Об умысле по действующему законодательству. С. 27.

² *Игнатов А.* Спорные вопросы квалификации хулиганства // Советская юстиция. 1967. № 2. С. 14.

³ См., например: Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1979. С. 51, 61, 213 и др.

сущности косвенного умысла, при котором сознательное допущение проецируется только на общественно опасные последствия, а не на какие-то иные объективные признаки и свойства деяния.

Косвенный умысел на практике встречается значительно реже прямого. Дело в том, что его психологическая сущность несовместима с рядом институтов уголовного права и с определенными конструкциями составов преступлений. Косвенный умысел невозможен не только в преступлениях с формальным составом, но также в преступлениях, состав которых включает указанную в законе цель, при покушении на преступление и приговлении к преступлению, в деятельности организатора, подстрекателя и пособника и в ряде других случаев. Поэтому, как показывают выборочные исследования, с косвенным умыслом совершается примерно 10—12% всех умышленных преступлений.

Прямой и косвенный умысел — это разновидности одной и той же формы вины, поэтому между ними много общего. Интеллектуальный элемент обоих видов умысла характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния и предвидением его общественно опасных последствий. Для волевого элемента обоих видов умысла общим является положительное, одобрительное отношение к наступлению общественно опасных последствий. Тем не менее речь идет о различных видах умысла, каждый из которых имеет свои особенности.

Различие между прямым и косвенным умыслом по содержанию интеллектуального элемента состоит в неодинаковом характере предвидения общественно опасных последствий. Если прямой умысел характеризуется предвидением, как правило, неизбежности, а иногда — реальной возможности их наступления, то косвенному умыслу присуще предвидение только реальной возможности наступления указанных последствий. Но основное различие между прямым и косвенным умыслом заключается в том, что волевое отношение субъекта к вредным последствиям проявляется в различных формах. Положительное отношение к ним при прямом умисле выражается в желании, а при косвенном умисле — в сознательном допущении либо в безразличном отношении.

Помимо закрепленного в законе деления умысла на виды в зависимости от особенностей их психологического содержания, теории и практике уголовного права известны иные классификации видов умысла. Так, по моменту возникновения преступного намерения различаются заранее обдуманый и внезапно возникший умысел. Следует отметить, что данная классификация носит условный характер. «Дело в том, что умысел является элементом состава преступления, т. е. возможен только в преступлении, только в связи с деянием. Помимо деяния нет и не может быть умысла. Когда же говорят о заранее обдуманном умысле, то имеют в виду психическую деятельность до совершения преступления, а именно: возникновение побуждения, выработку цели и этапы воли, включая принятие решения»¹. Следовательно, точнее было бы говорить об умысле, соединенном с внезапно возникшим побуждением, и умысле, соединенном с побуждением, возникшим заранее. С этой оговоркой можно использовать общепринятый термин — заранее обдуманый умысел — с учетом его краткости и распространенности в науке и в судебной практике.

Заранее обдуманый умысел характерен тем, что намерение совершить преступление осуществляется через более или менее значительный отрезок времени после возникновения. Принято считать, что такой умысел опаснее внезапно возникшего. Но опасность деяния не всегда повышается при заранее обдуманном умысле. Сам по себе момент возникновения намерения совершить преступление — обстоятельство, в значительной мере случайное, и по своей сути не может оказать большого влияния на степень общественной опасности деяния или личности виновного. Гораздо важнее те причины, по которым лицо осуществило свой замысел не сразу. Если это объясняется его нерешительностью, колебаниями, отрицательным эмоциональным отношением к результатам преступления, то заранее обдуманый умысел несколько не опаснее внезапно возникшего. Но если разрыв во времени между возникновением и реализацией преступного замысла обусловлен особым коварством субъекта или изощренностью способов достиже-

¹ *Ткаченко В.И.* Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта. М., 1979. С. 27.

ния преступной цели, то заранее обдуманый умысел существенно повышает опасность преступления и личности виновного. Особое коварство проявляется, например, в том, что виновный использует доверчивость или неопытность жертвы, чтобы заманить ее в хитроумно расставленную ловушку, либо создает ложные доказательства своей непричастности к преступлению, бросая тень подозрений на другое лицо, либо в процессе совершения преступления использует других лиц, не осознающих своей роли в достижении преступной цели виновного, и т. п. К особо изощренным способам совершения преступления можно отнести, например, систематическое подмешивание в пищу жертвы медленно действующего и трудно обнаруживаемого в организме яда; применение взрывных устройств, замаскированных под безобидные предметы и срабатывающих при физическом контакте с ними; использование поддельных документов или формы работников милиции при совершении мошеннических действий и т. д. При наличии указанных признаков заранее обдуманый умысел, разумеется, опаснее внезапно возникшего.

Внезапно возникшим является вид умысла, который был реализован в преступлении сразу же или через незначительный промежуток времени после возникновения преступного намерения. Он может быть простым или аффектированным.

Простым внезапно возникшим умыслом называется такой умысел, при котором намерение совершить преступление возникло у виновного в нормальном психическом состоянии и было реализовано сразу же или через очень короткий отрезок времени после возникновения. На такой вид умысла часто влияет провоцирующая ситуация или наличие повода к совершению преступления. С внезапно возникшим умыслом нередко совершаются корыстные преступления лицами со стойкими преступными наклонностями, проявляющимися при любом «удобном случае» (ворами, грабителями и др.).

Аффектированный умысел, в отличие от простого внезапно возникшего, характеризуется не столько моментом, сколько психологическим механизмом возникновения намерения совершить преступление. Поводом к его возникновению являются правомер-

ные или аморальные действия потерпевшего в отношении виновного или его близких либо систематическое противоправное или аморальное поведение потерпевшего, создавшее длительную психотравмирующую ситуацию. Под их влиянием у субъекта внезапно возникает сильное эмоциональное волнение, существенно затрудняющее сознательный контроль над волевыми процессами. Поэтому в преступлении, совершенном с аффектированным умыслом, в меньшей степени проявляется антисоциальная установка личности, а больше сказывается влияние ситуаций как внешнего повода к совершению преступления. Этим и объясняется смягчение наказания за преступление, совершенное с аффектированным умыслом.

По своему психологическому содержанию и заранее обдуманый, и внезапно возникший умысел может быть как прямым, так и косвенным.

В зависимости от степени определенности представлений субъекта о важнейших фактических и социальных свойствах деяния умысел может быть определенным (конкретизированным) или неопределенным (неконкретизированным). Эти важнейшие свойства деяния могут касаться различных признаков состава преступления: и объекта (общественный порядок или здоровье человека), и способа совершения преступления (тайное или открытое хищение имущества), и последствий (характер существенного вреда при злоупотреблении должностными полномочиями).

Определенный (конкретизированный) умысел характеризуется наличием конкретного представления о качественных и количественных показателях важнейших свойств деяния, определяющих его юридическую сущность. Если у субъекта имеется четкое представление о каком-то одном индивидуально определенном результате, умысел является *простым* определенным. Данный вид умысла является главным критерием квалификации преступления при субъективной ошибке, при недоведении преступления до конца и в некоторых других случаях, в которых совершенное деяние квалифицируется не по фактически наступившим последствиям, не в зависимости от фактически пострадавшего объекта, а именно в соответствии с представлениями виновного. Так, лицо должно нести

ответственность за кражу, а не за грабеж, если даже за его преступными действиями наблюдали посторонние лица, но об этом не было известно субъекту преступления. Точно так же деяние квалифицируется как покушение на убийство, если сознанием виновного охватывалось последствие в виде смерти потерпевшего, даже если она не наступила и фактическим последствием оказалось причинение средней тяжести вреда здоровью.

Альтернативным называется такая разновидность определенного умысла, при которой сознанием виновного охватывается возможность наступления двух или более конкретно-определенных последствий либо возможность причинения вреда одному из двух объектов, охватываемых сознанием субъекта.

Неопределенный (неконкретизированный) умысел отличается тем, что у виновного имеется не индивидуально-определенное, а обобщенное представление об объективных свойствах деяния, т.е. он осознает только его видовые признаки. Например, нанося сильные удары ногами по голове, груди и животу потерпевшего, виновный предвидит, что в результате будет причинен вред здоровью, но не осознает количественных показателей этого вреда. Подобное преступление следует квалифицировать как умышленное причинение того вреда здоровью, который фактически наступил.

§ 4. Неосторожность и ее виды

Как показывают выборочные исследования, неосторожные преступления составляют 8—10% от общего числа совершаемых в стране преступлений. Однако нельзя недооценивать их распространенность и опасность. В условиях научно-технического прогресса заметно увеличивается число неосторожных преступлений в таких сферах, как охрана окружающей среды, безопасность движения и эксплуатация различных видов транспорта, безопасность условий труда, использование новых мощных источников энергии и т.п. Подобные деяния способны причинять колоссальный экономический, экологический, организационный и иной вред. Достаточно сказать, что гибель людей чаще наступает вследствие неосторожных преступлений, чем от убийств. Специальные исследо-

вания показали, что размер имущественного ущерба от неосторожных преступлений (включая транспортные и преступления, влекущие лесные и прочие пожары) вполне сопоставим с ущербом от умышленных преступлений, поэтому проблема ответственности за неосторожные преступления приобретает особое значение¹.

Одним из неперемennых условий повышения эффективности борьбы с неосторожными преступлениями является правильное применение законодательства о таких преступлениях. В частности, необходимо по каждому делу точно устанавливать вид неосторожности и учитывать его при назначении наказания. Между тем в судебной практике редко решается вопрос о том, с каким видом неосторожной вины совершено преступление². Например, по делам о преступном нарушении правил охраны труда следственные органы и суд в 67% случаев не устанавливали вида неосторожности при наступлении последствий в виде травмирования людей³. Для того, чтобы устранить эти недостатки судебной практики, необходимо четко и единообразно применять уголовно-правовые нормы о неосторожности и преступлениях, совершаемых по неосторожности.

В действующем УК, как и в предыдущих Кодексах России, допускается возможность конструирования некоторых составов преступлений таким образом, что их субъективная сторона может характеризоваться как умышленной, так и неосторожной формой вины. Поэтому зачастую возникают проблемы определения формы вины в отдельных видах преступлений, из законодательного описания которых не очевидно, с какой формой вины они могут совершаться. Из-за сложности этой задачи суды нередко уклоняются от ее решения и оставляют без рассмотрения вопрос о том, умышленным или неосторожным было преступление в конкретном случае. Как следствие этого значительно распространены слу-

¹ См.: *Квашиц В.Е.* Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986; *Нерсесян В.А.* Неосторожные преступления. Красноярск, 1991; *Нуртаев Р.Т.* Борьба с неосторожными видами преступлений. Алма-Ата, 1990.

² См.: *Камхадзе К.* Учет неосторожной вины в судебной практике // Советская юстиция. 1984. № 5. С. 12.

³ См.: *Лановенко И.П.* Охрана трудовых прав. Киев, 1975. С. 262.

чаи. назначения наказания без учета формы вины, возникают неразрешимые сложности в определении вида режима отбывания наказания в виде лишения свободы, остаются нерешенными и некоторые другие практические вопросы. Принципиальным шагом по пути решения обозначенной проблемы явилось законодательное ограничение сферы уголовной наказуемости за неосторожность путем указания на то, что «деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 24 УК в первоначальной редакции). Однако впоследствии законодатель отказался от этого решения и, по сути, возвратился к тому, что некоторые преступления могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности (например, заражение венерической болезнью, разглашение государственной тайны и т.п.), а это возлагает на суды дополнительную обязанность устанавливать и указывать в приговоре форму вины, с которой было совершено такое преступление в конкретном случае. Не учитывая изменений в редакции ч. 2 ст. 24 УК, отдельные ученые продолжают утверждать, будто за деяния, совершенные по неосторожности, уголовная ответственность наступает лишь в случаях, когда это специально указано в Особенной части УК¹.

Законодатель различает два вида неосторожности: легкомыслие и небрежность.

Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий (ч. 2 ст. 26 УК).

Как видно из текста закона, при определении легкомыслия законодатель не касается психического отношения лица к совершаемому общественно опасному действию или бездействию, а ограничивается характеристикой отношения только к последствиям. На этом основании некоторые криминалисты полагают, что при этом виде неосторожности у субъекта отсутствует осознание обще-

¹ См.: *Иванов В.Д., Мазуков С.Х.* Субъективная сторона преступления. Ростов-на-Дону, 1999. С. 18; *Лунеев В.В.* Субъективное вменение. М., 2000. С. 9.

ответственной опасности совершаемого деяния, что признаком легкомыслия является лишь обязанность и возможность такого осознания¹. Однако другие ученые считают, что, лишь исходя из отрицательной социальной оценки возможных последствий, правонарушитель, действующий по легкомыслию, стремится к предотвращению этих последствий, следовательно, осознание потенциальной общественной опасности совершаемого деяния входит в содержание самонадеянности как разновидности вины².

То обстоятельство, что при определении легкомыслия законодатель не касается психического отношения виновного к самому деянию, можно объяснить следующими соображениями.

Во-первых, в соответствии с законом ответственность за неосторожность обычно наступает при наличии общественно опасных последствий. Поэтому отношение к действию или бездействию не имеет здесь столь важного значения, как при умысле, который может влечь ответственность и без наступления каких-то последствий, обозначенных в законе (за преступления с формальным составом). Лишь в отдельных случаях законодатель допускает ответственность за неосторожные действия, которые создают угрозу причинения тяжких последствий (например, нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах).

Во-вторых, последствия — это именно тот объективный признак, который придает неосторожному преступлению качество общественной опасности. Поэтому отношение к последствию — это по сути и есть отношение к общественной опасности деяния.

Следовательно, можно признать, что при совершении преступления по легкомыслию субъект по общему правилу осознает общественную опасность совершаемого действия или бездействия, которое, поскольку оно чревато социально вредными последствиями,

¹ См.: Тихонов К. Ф. К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве // Правоведение. 1963. № 3. С. 87; Орлов В. С. Вина и мотив в преступлениях несовершеннолетних // Вестник МГУ. Серия Право. 1968. № 1. С. 29; Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 120.

² См.: Демидов Ю. А. Сознание общественной опасности деяния как признак умышленного преступления // Труды ВЮЗИ. Т. 8. М., 1967. С. 217; Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965. С. 170; Загородников Н. И. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. М., 1975. С. 79.

содержит *потенциальную угрозу* причинения вреда общественным отношениям, поставленным под защиту уголовного закона.

Если даже такое осознание не является обязательным признаком легкомыслия, поскольку он не вытекает прямо из закона, и не подлежит неременному установлению судом по каждому делу, тем не менее оно типично для преступлений, совершенных по легкомыслию, и составляет *первый признак интеллектуального элемента* этого вида неосторожности.

Вторым интеллектуальным признаком легкомыслия является предвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния. Но, как было показано, и при косвенном умысле имеется предвидение лишь возможности, а не неизбежности наступления последствий. Значит ли это совпадение легкомыслия и косвенного умысла по данному признаку? Нет. Косвенный умысел характеризуется предвидением *реальной* (именно в данном конкретном случае) возможности наступления общественно опасных последствий. А при легкомыслии виновный предвидит не реальную, а *абстрактную* возможность наступления последствий, т.е. «осознает лишь абстрактную опасность такого рода деятельности, он представляет, что вообще подобные действия могут вызвать общественно опасное последствие, но исключает реализацию опасности в данном конкретном случае»¹.

При легкомыслии предвидение характеризуется тем, что лицо не осознает действительного развития причинной связи, хотя при надлежащем напряжении психических сил и может осознать это. Виновный несерьезно подходит к оценке тех обстоятельств, которые, по его мнению, должны предотвратить наступление преступного результата, но на самом деле оказались неспособными противодействовать его наступлению.

Следовательно, *третьим интеллектуальным признаком* легкомыслия является представление субъекта о фактическом наличии сил и обстоятельств, способных, по его мнению, предотвратить наступление общественно опасных последствий. Это очень важный признак, без которого немислим расчет избежать вредных послед-

¹ Макашвили В.Г. О разграничении эвентуального умысла и самонадеянности // Правоведение. 1965. № 2. С. 167.

ствий. Именно с наличием этого признака связана специфика волевого элемента легкомыслия, который характеризуется самонадеянным расчетом на предотвращение общественно опасных последствий.

Основное, главное отличие легкомыслия от косвенного умысла заключается в содержании волевого элемента. Если при косвенном умысле виновный сознательно допускает наступление общественно опасных последствий, т.е. относится к ним одобрительно, то при легкомыслии отсутствует не только желание, но и сознательное допущение этих последствий, и, наоборот, субъект стремится не допустить их наступление, относится к ним отрицательно. Разграничение между косвенным умыслом и легкомыслием видно на следующем примере.

По предварительной договоренности между собой С. и И. с целью хищения имущества проникли в дом 76-летней А., избили ее, причинив тяжкие телесные повреждения, в том числе переломы костей носа, скуловых костей и основания черепа, связали ее и вставили в рот кляп. В результате механической асфиксии, развившейся вследствие введения тряпичного кляпа в рот, А. на месте происшествия скончалась.

Суд первой инстанции деяние в части лишения А. жизни квалифицировал как причинение смерти по неосторожности, основываясь на показаниях подсудимых о том, что они избили А. не с целью убийства, а чтобы сломить ее сопротивление, рассчитывая, что утром к А. придут родственники или знакомые и освободят ее. Однако Военная коллегия Верховного Суда РФ приговор отменила и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Осужденные, зная о преклонном возрасте А., применили к ней насилие, опасное для жизни, а затем, связав руки и ноги, оставили ее с разбитым лицом, залитой кровью носоглоткой и с кляпом, закрывавшим дыхательные пути, забросав ее одеялом и матрацем. Для С. и И. было очевидным беспомощное состояние А., и они безразлично относились к этому, а также к возможным последствиям.

Ошибка суда первой инстанции заключалась в неправильной оценке психического отношения виновных к последствиям совер-

шенного деяния как неосторожного, тогда как имел место косвенный умысел¹.

При легкомыслии, в отличие от косвенного умысла, сознание и воля лица не безразличны к возможным отрицательным последствиям деяния, а направлены на их предотвращение. Закон характеризует волевое содержание легкомыслия не как надежду, а именно как расчет на предотвращение общественно опасных последствий, имеющий под собой вполне реальные, хотя и недостаточные основания. Расчет на предотвращение общественно опасных последствий своего деяния означает отсутствие у лица положительного (свойственного обоим видам умысла), одобрительного отношения к наступлению этих последствий. Наоборот, он означает отрицательное отношение к ним, нежелание их, стремление избежать их наступления. В основе этого расчета должны лежать конкретные фактические обстоятельства, которые могут, по мнению виновного, помешать наступлению вредных последствий. При этом расчет оказывается самонадеянным из-за несерьезного подхода к оценке этих обстоятельств. Важно иметь в виду, что в законодательном определении легкомыслия сказано о расчете не «предотвратить», а «на предотвращение». Из этого следует, что виновный рассчитывает не только на собственные силы, но и на действия других людей, на влияние определенных орудий и механизмов, особенности обстановки, вмешательство природных явлений и т.д. Для легкомыслия характерно действительное наличие обстоятельств, принимаемых в расчет виновным, в момент совершения деяния либо закономерность их проявления в этот момент. Поэтому для констатации легкомыслия суд должен по каждому делу установить, на каких реальных факторах строился расчет виновного избежать общественно опасных последствий. Иллюстрацией преступления, совершенного по легкомыслию, может служить дело Ш.

Осужденный с целью предупреждения кражи рыбы из мереж сделал сигнализацию, для чего к мосткам, с которых мережи ставились в реку, провел из своего дома провода и подключил их к электросети с напряжением 220 вольт, а в доме установил звонок.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3. С. 8—9.

При попытке отсоединить провода от сигнализации ночью был убит током подросток О. Предвидя возможность наступления тяжких последствий, Ш. с целью их предотвращения широко оповестил односельчан о существовании сигнализации и просил соседей не подпускать детей к этому месту. Кроме того, он принял целый ряд технических мер по предупреждению случайного поражения электротоком, к тому же подключал сигнализацию к электросети лишь в ночное время и только тогда, когда сам был дома. Поэтому в постановлении по этому делу Пленум Верховного Суда СССР с полным основанием указал, что «в данном случае Ш. проявил преступную самонадеянность, поскольку он знал об опасности, которую представляет для человека электроток напряжением 220 вольт, но легкомысленно надеялся на предотвращение тяжких последствий. При этом он рассчитывал не на случайность, а на объективные факторы, которые, по его мнению, исключали возможность наступления тяжких последствий. При таком положении содеянное им, как убийство, совершенное по неосторожности, должно квалифицироваться по ст. 106 УК РСФСР»¹.

Из этого примера видно, что легкомыслию присущи, *во-первых*, предвидение возможности наступления вредных последствий, а *во-вторых*, отражение сознанием виновного каких-то реальных факторов, которые и ложатся, хотя и неосновательно, в основу расчета избежать наступления этих последствий. Между тем в судебно-следственной практике и научных исследованиях нередко вывод о наличии легкомыслия делается без учета двух отмеченных особенностей этого вида неосторожности, а лишь исходя из того, что виновный осознавал факт нарушения определенных норм социального поведения. Так, по делам о транспортных преступлениях подчас делается неосновательный вывод о наличии легкомыслия только потому, что «виновный сознавал факт нарушения правил движения и эксплуатации транспортных средств». Однако сознательного нарушения тех или иных правил еще недостаточно для вывода о наличии легкомыслия, поскольку оно не доказывает ни предвидения последствий, ни наличия расчета избежать их.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 1. С. 22.

Нельзя упускать из виду, что основным видом неосторожности является небрежность, а легкомыслие встречается лишь в 10—15% от всех преступлений, совершенных по неосторожности.

Вторым видом неосторожности является *небрежность*. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (ч. 3 ст. 26 УК).

Непредвидение общественно опасных последствий при небрежности не означает отсутствия всякого психического отношения к наступлению таких последствий, а представляет особую форму такого отношения, свидетельствуя о пренебрежении лица к требованиям закона, правилам социального поведения, интересам других лиц.

Сущность этого вида неосторожной вины заключается в том, что лицо, имея реальную возможность предвидеть наступление общественно опасных последствий своего деяния, не проявляет необходимой внимательности и предусмотрительности, чтобы совершить необходимые волевые действия для предотвращения указанных последствий, не превращает реальную возможность в действительность. Преступная небрежность представляет своеобразную форму психического отношения виновного к общественно опасным последствиям своего деяния, при которой волевой элемент характеризуется волевым характером совершаемого действия или бездействия и отсутствием волевых актов поведения, направленных на предотвращение общественно опасных последствий.

Интеллектуальное содержание небрежности характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным.

Отрицательный признак небрежности — непредвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий — включает в себя, во-первых, отсутствие осознания общественной опасности совершаемого действия или бездействия, а во-вторых, отсутствие предвидения преступных последствий. Небрежность — это единственная разновидность вины, при которой виновный не предвидит последствий ни в форме неизбежности, ни в форме ре-

альной или даже абстрактной возможности их наступления. Здесь вообще отсутствует позитивная психологическая связь между субъектом преступления и причиненными им преступными последствиями. Именно ее отсутствие с давних пор порождало у криминалистов сомнение в обоснованности признания небрежности виной в уголовно-правовом смысле. Однако наличие положительного признака как раз и позволяет придать небрежности качество уголовно-правовой вины.

Положительный признак интеллектуального элемента небрежности состоит в том, что виновный должен был и мог проявить необходимую внимательность и предусмотрительность и предвидеть наступление фактически причиненных вредных последствий. Именно этот признак превращает небрежность в разновидность вины в ее уголовно-правовом понимании. Он устанавливается с помощью двух критериев: долженствование означает объективный критерий, а возможность предвидения — субъективный критерий небрежности.

Содержание объективного критерия небрежности раскрывается в юридической литературе неоднозначно. Так, по мнению Ш.С. Рашковской, «пользуясь объективным критерием, суд исходит из требований предусмотрительности, которые должны соблюдать лица той профессии, специальности или деятельности, к которой принадлежит или которой занимается виновный, чтобы предотвратить наступление преступного результата, либо из той меры должной предусмотрительности, которая предъявляется к любому члену социалистического общества правом, моральным кодексом строителя коммунизма, правилами социалистического общежития»¹. Подобное толкование объективного критерия недостаточно последовательно и убедительно.

Во-первых, предоставление суду права выбора в применении либо одной, либо другой меры предусмотрительности несовместимо с принципом законности и не может обеспечить единообразия судебной практики по делам о преступлениях, совершенных по небрежности.

¹ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1982. С. 145. Аналогичную позицию занимал и В.Д. Меньшагин (см.: Советское уголовное право. Общая часть. М.: МГУ, 1974. С. 167).

Во-вторых, обращение к мере предусмотрительности, предъявляемой «вообще к любому члену общества», с одной стороны, противоречит принципу персональной виновной ответственности, а с другой — неизбежно ведет к недопустимой презумпции, что любой член общества обязан предвидеть фактически причиненные вредные последствия.

Сходное с приведенным выше пониманием объективного критерия высказывалось и позднее. Так, по мнению А.В. Наумова, «у конкретного лица наличие возможности предвидения наступления вредных последствий своего деяния признается тогда, когда при данных обстоятельствах эти последствия мог предвидеть «средний благоразумный человек»¹. Подобное понимание объективного критерия небрежности вряд ли приемлемо, поскольку в нем, во-первых, объективный критерий раскрывается через субъективный критерий возможности «благоразумного человека», а во-вторых, оно представляет по существу обращение к масштабу «среднего человека», который подвергался убедительной критике в отечественной литературе².

В самом деле, что означает понятие «средний благоразумный» (или всякий другой) человек? И почему все-таки последствий не предвидел виновный, если их мог предвидеть всякий человек? И наоборот, раз не предвидел виновный, то вполне реально, что их не мог предвидеть и «средний благоразумный человек», поскольку таковой вполне мог обладать более ограниченными, чем у виновного, возможностями к предвидению последствий в такой же ситуации. Следовательно, изложенная трактовка объективного критерия небрежности не исключает возможности объективного вменения.

Представляется более правильным, что объективный критерий небрежности носит нормативный характер, т.е. обозначает вытекающую из различных социальных норм обязанность лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния при соблюдении обязательных для этого лица мер внимательности и предусмотрительности. Эта обязанность

¹ Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. Изд. 2-е. М., 1999. С. 241.

² См.: *Сергеева Т.Л.* К вопросу об определении преступной небрежности // Советское государство и право. 1947.. № 4. С. 19—20.

может вытекать из прямого указания закона, из специальных правил, профессиональных, служебных или иных функций виновного, а также из общеобязательных правил общежития. Отсутствие обязанности предвидеть наступление общественно опасных последствий исключает вину данного лица за их фактическое причинение. Но и наличия такой обязанности еще недостаточно для возложения на обязанное лицо ответственности за реальное наступление вредных последствий. Для этого необходимо установить, что лицо имело реальную возможность в данном конкретном случае предвидеть наступление общественно опасных последствий (субъективный критерий), но эту возможность не реализовало и последствий не избежало.

Субъективный критерий небрежности означает персональную способность лица в конкретной ситуации, с учетом его индивидуальных качеств и при проявлении необходимой внимательности и предусмотрительности, предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния. Это означает, что возможность предвидения последствий определяется, во-первых, особенностями ситуации, в которой совершается деяние, а во-вторых, индивидуальными качествами виновного. Ситуация не должна быть чрезмерно сложной, с тем чтобы задача предвидеть последствия была в принципе разрешимой. А индивидуальные качества виновного (его физические данные, уровень развития, профессиональный и жизненный опыт, образование, состояние здоровья, степень восприимчивости и т.д.) должны позволять правильно воспринять информацию, вытекающую из обстановки совершения деяния, дать правильные оценки и сделать обоснованные выводы. Наличие этих двух предпосылок делает для виновного реально возможным предвидение общественно опасных последствий.

Законодательное описание неосторожности, так же как и умысла, ориентировано исключительно на преступления с материальным составом. Поэтому представляется важным исследовать вопрос о возможности совершения по неосторожности преступлений с формальным составом.

Легкомыслие, как и косвенный умысел, во своей психологиче-

ской сущности неразрывно связано с общественно опасными последствиями. В отрыве от них даже теоретически невозможно сконструировать ни интеллектуальный, ни волевой элементы этого вида неосторожности. В преступлениях, состав которых не включает последствий как признака объективной стороны, легкомыслие существовать не может, так как неуместно говорить о предвидении или о расчете на предотвращение собственных действий, совершаемых сознательно и по собственной воле. Тем не менее возможность неосторожного совершения преступлений с формальным составом не исключается. В частности, такую возможность допускали Верховный Суд СССР, указав в постановлении № 1 от 5 апреля 1985 г., что не только умышленно, но и по неосторожности может совершаться выпуск недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции¹, и Верховный Суд РФ, указавший в п. 20 постановления № 14 от 5 ноября 1998 г., что вред, причиненный нарушением экологического законодательства, подлежит возмещению «независимо от того, причинен ли вред в результате умышленных действий (бездействия) или по неосторожности»². Возможность неосторожного совершения этих, а также некоторых других преступлений, имеющих формальный состав, признается и в юридической литературе.

Поскольку в формальных составах к признакам объективной стороны относятся лишь свойства собственного деяния, т.е. действия или бездействия, то именно они и составляют предметное содержание неосторожной вины. А социальные свойства совершаемого деяния могут быть предметом только сознания, но никак не предвидения. Значит, психологическое содержание неосторожности в преступлениях с формальным составом можно охарактеризовать как отсутствие осознания общественно опасного характера совершаемого деяния при наличии обязанности и возможности такого осознания. Это содержание присуще небрежности, которая и является единственным видом неосторожной вины, возможным в формальных составах преступлений.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 3. С. 15.

² Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 2000. С. 530.

Как форма психического отношения лица к деянию и его общественно опасным последствиям небрежность занимает промежуточное положение между самонадеянностью и случайным, невиновным причинением вреда.

§ 5. Невиновное причинение вреда

В соответствии со ст. 5 УК лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается.

Действующий УК впервые включил норму о *невиновном причинении вреда*, предусмотрев две его разновидности.

В ч. 1 ст. 28 УК закреплена такая разновидность невиновного причинения вреда, которая в теории уголовного права именуется субъективным случаем, или «казусом». Применительно к преступлениям с формальным составом это означает, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия). Подобного рода «казусом» является, например, причинение вреда здоровью лица, ошибочно принятого за убийцу, для его задержания, если стечение объективных обстоятельств давало веские основания считать именно его лицом, совершившим это преступление. Применительно к преступлениям с материальным составом субъективный случай заключается в том, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Эта разновидность субъективного случая отличается от небрежности отсутствием либо обоих, либо хотя бы одного из его критериев.

Например, К. был осужден за неосторожное убийство, совершенное при следующих обстоятельствах. Закурив на дороге, он бросил через плечо горящую спичку, которая попала в лежавшую у дороги бочку из-под бензина и вызвала взрыв бензиновых паров. При этом дно бочки вылетело и, попав в С., причинило ему смер-

тельное ранение. Учитывая все обстоятельства данного дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР пришла к выводу, что смерть С. наступила в результате несчастного случая, поскольку К. не предвидел и по обстоятельствам дела не должен был и не мог предвидеть и предупредить фактически наступившие последствия, следовательно, он причинил их без вины¹.

Для констатирования «казуса» не обязательно одновременное отсутствие обоих критериев небрежности, достаточно отсутствия хотя бы одного из них — или объективного или субъективного.

В ч. 2 ст. 28 УК закреплена новая, ранее не известная закону и судебной практике разновидность невиновного причинения вреда. Она характеризуется тем, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. Отказавшись от постановки вопроса о способности или неспособности субъекта осознавать общественную опасность своих действий, законодатель невольно перевел проблему из субъективной плоскости в объективную. В ситуации, описанной в ч. 2 ст. 28 УК, причинение вреда признается невиновным не из-за дефектов интеллектуального или волевого отношения, а вследствие объективной невозможности предотвратить наступление общественно опасных последствий, возможность наступления которых лицом осознается по одной из двух указанных в законе причин.

Во-первых, невозможность предотвратить вредные последствия, которые охватываются предвидением действующего лица, исключает уголовную ответственность, если она обусловлена несоответствием психофизиологических качеств причинителя вреда требованиям *экстремальных условий*, т.е. таким неожиданно возникшим или изменившимся ситуациям, к которым лицо не готово и по своим психофизиологическим качествам неспособно принять адекватное решение и найти способ предотвращения вредных по-

¹ См.: Сборник постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957—1959 гг. М., 1960. С. 19.

следствий (например, в условиях аварии по причине конструктивных дефектов или заводского брака машины или механизма; в обстановке стихийного бедствия или чрезвычайной ситуации; в случае возникновения нештатной ситуации при выполнении работ водолазами, спелеологами, при занятии альпинизмом и т.д.).

Во-вторых, деяние признается невиновным, если невозможность предотвратить общественно опасные последствия обусловлена несоответствием психофизиологических качеств причинителя вреда его *нервно-психическим перегрузкам* (усталость, физическое или психическое перенапряжение в результате тяжелой физической работы, длительного непрерывного интеллектуального труда, например при работе пилота самолета или машиниста электровагона во вторую смену подряд).

Установление несоответствия психофизиологических качеств оператора как требованиям экстремальных условий, так и нервно-психическим перегрузкам должно быть предметом обязательного исследования судебно-психологической экспертизой¹.

§ 6. Преступления с двумя формами вины

В подавляющем большинстве случаев преступления совершаются с какой-то одной формой вины. Но иногда законодатель усиливает ответственность за умышленное преступление, если оно по неосторожности причинило последствие, которому придается значение квалифицирующего признака. В таких случаях возможно параллельное существование двух разных форм вины в одном преступлении. Сочетание умысла и неосторожности в одном преступлении ранее именовалось в литературе «смешанной», «двойной» или «сложной» формой вины. Подобные термины являются неточными, так как никакой третьей формы вины в таких преступлениях нет, а умысел и неосторожность между собой не смешиваются, они существуют самостоятельно, хотя и в одном преступлении. Две формы вины могут параллельно сосуществовать только в квалифицированных составах преступлений: умысел как конструктив-

¹ См.: *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 1999. С. 47.

ный элемент основного состава умышленного преступления и неосторожность в отношении квалифицирующих последствий.

Отдельными учеными искажается законодательное толкование преступлений с двумя формами вины. Так, В.Д. Иванов и С.Х. Мазуков пишут: «Особенность рассматриваемых преступлений состоит в том, что при их совершении наблюдается неоднородное психическое отношение лица к совершаемым действиям (бездействию) и к наступившим последствиям в материальных составах преступлений, которые содержат последствия в качестве самостоятельного признака объективной стороны. В формальных составах преступлений последствие неотделимо от действия, слито с ним, а поэтому психическое отношение к действию (бездействию) и последствию является только однородным»¹. Несмотря на то, что действующий УК и терминологически, и по существу разрешил ситуацию, при которой умысел и неосторожность сочетаются в одном умышленном преступлении, некоторые ученые продолжают утверждать, что в подобных случаях имеет место некая третья форма вины, совмещающая некоторые признаки обеих форм вины, но при этом отличающаяся и от умысла, и от неосторожности².

Понятие *преступлений с двумя формами вины* нашло законодательное закрепление лишь в ст. 27 УК РФ — «Ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины», — которая гласит: «Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение; или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

¹ Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. Ростов-на-Дону, 1999. С. 23—24.

² См.: Куликов А.В. Двойная форма вины: понятие, виды, конструкция составов, квалификация. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1990; Ширяев В.А. «Раздвоенная» форма вины как уголовно-правовая категория. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Российское уголовное право. Курс лекций. Том 1. С. 423 (автор главы Р.И. Михеев).

Реальная основа для существования преступлений с двумя формами вины заложена в своеобразной законодательной конструкции отдельных преступлений. Это своеобразие состоит в том, что законодатель как бы сливает в один состав, т.е. юридически объединяет два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое — неосторожным, причем оба могут существовать самостоятельно, но в сочетании друг с другом образуют качественно иное преступление со специфическим субъективным содержанием. Составляющие части такого преступления обычно посягают на различные непосредственные объекты, но могут посягать и на один (например, незаконное производство аборта, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей). При этом важно иметь в виду, что каждая из составляющих частей не утрачивает своего преступного характера и при раздельном существовании.

Таким образом, субъективные особенности подобных преступлений производны от специфической конструкции объективной стороны: сосуществование двух различных форм вины в одном преступлении обусловлено наличием двух самостоятельных предметов виновного отношения субъекта — умысел (прямой или косвенный) является субъективным признаком основного состава преступления, а неосторожность (в виде легкомыслия или небрежности) характеризует психическое отношение к последствиям, играющим роль квалифицирующего признака. При этом каждая из форм вины, сочетающихся в одном преступлении, полностью сохраняет свое качественное своеобразие. Именно поэтому подобные преступления характеризуются в законе как совершаемые с двумя формами вины.

Преступлений с двумя формами вины в уголовном законодательстве немного, и все они сконструированы по одному из следующих двух типов.

Первый тип образуют преступления с двумя указанными в законе и имеющими неодинаковое юридическое значение последствиями. Речь идет о квалифицированных видах преступлений, основной состав которых является материальным, а в роли квалифицирующего признака выступает более тяжкое последствие, чем по-

следствие, являющееся обязательным признаком основного состава. Характерно, что квалифицирующее последствие, как правило, заключается в причинении вреда другому, а не тому непосредственному объекту, на который посягает основной вид данного преступления. Так, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК) имеет объектом здоровье человека, но если оно сопряжено с неосторожным причинением смерти потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК), то объектом этого неосторожного посягательства становится жизнь. Это, а также другие преступления подобной конструкции, например, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 167 УК), характеризуются умышленным причинением обязательного последствия и неосторожным отношением к более тяжкому последствию, которому законодатель отвел роль квалифицирующего признака.

Второй тип преступлений с двумя формами вины характеризуется неоднородным психическим отношением к действию или бездействию, являющемуся преступным независимо от последствий, и к квалифицирующему последствию. При этом квалифицирующее последствие состоит в причинении вреда, как правило, дополнительному объекту, а не тому, который поставлен под уголовно-правовую охрану нормой, формулирующей основной состав данного преступления. К этому типу относятся квалифицированные виды преступлений, основной состав которых является формальным, а квалифицированный состав включает определенные тяжкие последствия. Они могут указываться в диспозиции в конкретной форме (например, смерть человека при незаконном производстве аборта, при угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава — ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 211 УК) либо оцениваться с точки зрения тяжести (крупный ущерб, тяжкие последствия).

В составах подобного типа умышленное совершение преступного действия (бездействия) сочетается с неосторожным отношением к квалифицирующему последствию.

Подводя итог рассмотрению вопроса о преступлениях с двумя формами вины, можно сделать следующие выводы:

а) они характеризуются сочетанием двух различных форм вины, т.е. умысла и неосторожности (сочетание прямого умысла с косвенным или легкомыслия с небрежностью не образует двух форм вины);

б) эти формы вины устанавливаются по отношению к различным юридически значимым признакам общественно опасного деяния;

в) в преступлениях с двумя формами вины неосторожным может быть отношение только к квалифицирующим последствиям, а значит,

г) две формы вины могут существовать только в квалифицированных составах преступлений;

д) преступления с двумя формами вины в целом, как это указано в законе, относятся к умышленным, что определяется умышленной формой вины в основном составе преступления.

Исследование субъективного содержания преступлений с двумя формами вины необходимо для отграничения таких преступлений, с одной стороны, от умышленных, а с другой — от неосторожных преступлений, сходных по объективным признакам. Так, если вследствие тяжкого вреда здоровью, который был причинен умышленно, наступила смерть потерпевшего, которая также охватывается умыслом виновного (хотя бы косвенным), деяние характеризуется единой формой вины и квалифицируется как умышленное убийство. И наоборот, если при неосторожном лишении жизни не установлено умысла на причинение тяжкого вреда здоровью, то нет и двух форм вины, а деяние следует квалифицировать как причинение смерти по неосторожности. И лишь сочетание умысла на причинение тяжкого вреда здоровью с неосторожностью в отношении наступившей смерти позволяет квалифицировать деяние по ч. 4 ст. 111 УК.

§ 7. Мотив и цель преступления

В юридической литературе много внимания уделялось вопросу о мотивах и целях преступления: их понятию, связи с виной и ее отдельными формами, классификации, юридическому значению и

некоторым иным аспектам. Однако, думается, большинство ученых невольно смещали акценты в плоскость мотивированности человеческого поведения вообще, уходя от уголовно-правового аспекта. Более того, отдельные исследователи пытались доказать, что стремление дать правовое определение мотива (как и цели) является искусственным и ненаучным¹. В настоящее время распространено мнение о том, что мотивы и цели существуют и должны устанавливаться в любых преступлениях, независимо от того, совершены они умышленно или по неосторожности и введены ли они в число признаков состава соответствующего преступления. Однако утверждения о наличии мотивов и целей в неосторожных преступлениях сопровождаются оговорками, что мотивы и цели имеют в неосторожных преступлениях качественно иное содержание, характер, интерпретацию и механизм психологического воздействия на поведение, чем мотивы и цели умышленных преступлений. Особенно подчеркивается, что мотивы и цели неосторожных преступлений не распространяются на общественно опасные последствия, предусмотренные законом: «Любое неосторожное преступление, даже совершенное по небрежности, — волевой акт, обусловленный определенным механизмом побуждений, мотивом. Отличие от умышленного преступления состоит в том, что мотив относится не к последствиям, а к действию или бездействию»². Еще более рельефно эта мысль выражена В.Е. Квашисом, по мнению которого «последствия при неосторожном деянии наступают не по воле субъекта, не входят в содержание его мотива и цели, а наоборот, чаще всего противоречат общей направленности его действий»³.

Представляется, что ученые, доказывающие наличие мотивов и целей в неосторожных преступлениях, допускают смешение уголовно-правового и криминологического подхода к этим явлениям. Криминология имеет дело с различными формами человеческого

¹ См.: *Харазисвили Б.В.* Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 4.

² Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Киев, 1985. С. 189. В более позднем учебнике украинские ученые признают уместной постановку вопроса о мотивах только в умышленных преступлениях (Уголовное право Украины. Общая часть. Харьков, 2000. С. 145).

³ *Квашис В.Е.* Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986. С. 51.

поведения, так или иначе связанного с преступлением. Поэтому вполне естественно, что предметом криминологического анализа могут быть мотивы не только криминального, но также докриминального и посткриминального *поведения*. Поскольку же уголовным правом исследуется только преступное деяние, то из всех мотивов, которым определялось социально значимое поведение определенного лица, для уголовного права важны только те, которые побудили его совершить *преступление* и проявились в нем, то есть *преступные* мотивы или точнее — мотивы преступления.

Практически все ученые исходят из правильного положения о том, что всякое сознательное поведение является мотивированным и целенаправленным. Из этого некоторые юристы делают вывод, будто можно ставить вопрос о мотивах и целях любого поступка, в том числе и неосторожного преступления. Однако вряд ли имеются достаточные основания распространять правильное положение о мотивированности и целенаправленности человеческого поведения на *любое* уголовное правонарушение.

Во-первых, вряд ли правомерно считать мотивированным и целенаправленным такое поведение, когда лицо не выполняет лежащих на нем обязанностей неосознанно: по забывчивости, из-за сна, в силу бессознательного состояния и т. д. Тем меньше оснований искать мотивы и цели такого неосторожного преступления.

Во-вторых, подавляющее большинство неосторожных преступлений по своей юридической конструкции представляет неразрывное сочетание неосмотрительного поведения с общественно опасными последствиями, указанными в диспозиции уголовно-правовой нормы. Поскольку само неосмотрительное поведение в отрыве от последствий не имеет уголовно-правового значения, его мотивированность и целенаправленность отнюдь не равнозначны преступным мотивам и целям.

В-третьих, вопрос о мотивах и целях может ставиться в уголовном праве лишь в том случае, если они являются одним из обязательных условий уголовной ответственности либо влияют на квалификацию преступления, либо в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность, подлежат учету при назначении наказания.

Мотив и цель — это признаки субъективной стороны преступления, неразрывно связанные с виной, но в отличие от нее имеющие факультативное значение.

Мотив преступления — это обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем.

Рассматривая процесс формирования желания, ученые выделяют в нем несколько этапов: 1) ощущение определенной потребности; 2) превращение ее в побуждение к действию, т.е. в мотив; 3) постановка цели, достижение которой должно прямо удовлетворить ощущаемую потребность или служить средством для ее удовлетворения; 4) желание (хотение) достичь поставленной цели. В этом ряду этапов четко прослеживается взаимосвязь всех субъективных признаков преступления: мотив рождается из потребностей и в определенной мере способствует формированию цели, а цель вместе с мотивом порождает желание определенными способами добиться желаемого результата.

Мотив человеческого поведения только тогда становится мотивом преступления, когда он охватывает все наиболее существенные свойства преступного деяния, а это возможно только в умышленном преступлении.

В юридической литературе было высказано утверждение, что включение специального мотива в диспозицию уголовно-правовой нормы означает возможность совершения такого преступления только с прямым умыслом¹. Однако для такого категорического суждения не имеется достаточных оснований.

Указание в законе на специальный мотив преступления действительно свидетельствует об умышленной форме вины, но вида умысла не предопределяет. Поэтому совершение преступления с указанным в диспозиции уголовно-правовой нормы мотивом возможно с любым видом умысла. Применительно же к конкретным составам преступления вид умысла определяется их конструкцией.

Выше уже доказывалось, что преступления с формальным составом вообще не могут совершаться с косвенным умыслом, он

¹ См.: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 125; Уголовное право УССР. Общая часть. Киев. 1984. С. 123

может быть только прямым. К этому можно добавить, что совершение действий, общественная опасность которых не ставится законодателем в зависимость от наступления каких-то последствий, служит средством удовлетворения потребностей, лежащих в основе преступного мотива (изнасилование — средством утоления половой потребности, хулиганские действия — средством выражения виновным своего гипертрофированного «я» и т.д.). Следовательно, мотив преступления, имеющего формальный состав, свидетельствует о том, что такое преступление может совершаться только с прямым умыслом.

Не так однозначно решается вопрос о видах умысла при совершении с указанным в законе мотивом преступлений, имеющих материальный состав.

Перечисленные в законе специальные мотивы при совершении преступлений с материальным составом по общему правилу могут сочетаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Например, сочетание определенного мотива с неконкретизированным косвенным умыслом возможно при убийстве или причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений, при убийстве в связи с осуществлением потерпевшим своей служебной деятельности или выполнением общественного долга, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью по мотиву национальной вражды и т.д. В основе названных мотивов может лежать «потребность» виновного в расправе над потерпевшим. Средством удовлетворения этой «потребности» является сам процесс расправы, в ходе которой виновный предвидит и сознательно допускает причинение неопределенного по тяжести вреда.

Правило о возможности совершения преступления, имеющего материальный состав, по специальному мотиву при любом виде умысла не распространяется на убийство из корыстных побуждений. В этом случае лежащая в основе мотива «потребность» может быть удовлетворена лишь получением материальных выгод (прямых или косвенных) именно в результате смерти потерпевшего и только после ее наступления. Иными словами, убийство по корыстным мотивам всегда преследует цель извлечения материальной выгоды или избавления от материальных затрат. Характер корыст-

ного мотива и способ его «утоления» свидетельствуют о том, что убийство из корысти возможно только с прямым умыслом и с целью получения материальных выгод.

Итак, специальные мотивы, указанные в диспозиции нормы уголовного права, могут сочетаться только с прямым умыслом в преступлениях с формальным составом и, как правило, с любым видом умысла в преступлениях с материальным составом. В неосторожных преступлениях мотивированность поведения человека никогда не распространяется на общественно опасные последствия, поскольку они не выступают средством удовлетворения потребностей, лежащих в основе неосмотрительного поведения. А сами мотивы неосмотрительного поведения лежат за рамками состава неосторожного преступления, поэтому никогда не вводятся законодателем в состав неосторожных преступлений и не являются *преступными мотивами*.

Важным является вопрос о классификации мотивов преступления.

Б.В. Харацишвили подразделял мотивы поведения преступника на две группы: 1) мотивы, связанные с идейными явлениями (общесоциальные мотивы): морально-политические, этические, религиозные, вкусы, стремления, пережитки родового быта; 2) мотивы предметного характера, куда входят прежде всего мотивы личного характера (карьеризм, месть, ревность, корысть, чувство самолюбия, стыда, жалости, альтруизма), а также мотивы, вытекающие из настроения, аффекта, других интересов и потребностей¹.

Однако данная классификация вряд ли имеет практическую ценность, поскольку, как справедливо отмечалось другими учеными (И.Н. Даньшин, П.С. Дагель, Д.П. Котов), в нее включены мотивы *поведения вообще*, а не мотивы преступлений.

По классификации С.А. Тарарухина, мотивы преступления следует подразделять на три группы: 1) мотивы личностного характера, которые в свою очередь делятся на мотивы, порождаемые различными потребностями и интересами предметного характера, и мотивы, вызываемые эмоциональными переживаниями и состояниями, не имеющими предметного характера; 2) мотивы, не име-

¹ См.: Харацишвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 58—63.

ющие личностного смысла, значения и не связанные с удовлетворением собственных потребностей и интересов виновного; 3) ситуационные мотивы, вызываемые прежде всего противоправным поведением потерпевшего, носящие вынужденный характер¹.

Приведенная классификация также не безупречна. Во-первых, третья группа мотивов не может быть отграничена от двух первых, поскольку и те, и другие могут оказаться ситуационными. Во-вторых, деление мотивов на личностные и неличностные противоречит научному определению мотива преступления как побуждения, порожденного потребностями человека, то есть как глубоко личного, психологического явления. В-третьих, данная классификация не имеет уголовно-правового значения, так как не раскрывает юридического значения мотива преступления.

Исходя из различия в уголовно-правовом значении мотивов преступления, П.С. Дагель и Д.П. Котов² подразделяют их на три группы: 1) общественно опасные (антигосударственные и личные низменные); 2) общественно нейтральные; 3) общественно полезные.

В литературе уже отмечалось, что с точки зрения уголовного права вряд ли существуют общественно полезные мотивы преступления³. Думается, что общественно полезных мотивов преступления действительно быть не может. Если для достижения социально нейтрального или даже социально полезного результата субъект прибегает к способам и средствам, преступным с точки зрения права, и его сознанием отражается социальная вредность этих способов, средств и конечного результата, закономерно связанного с избранными способами достижения результата, то и субъективные побуждения лица приобретают социально порицаемую окраску.

В ст. 61 действующего УК в числе обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотрено совершение преступления по мотиву сострадания (п. «д»), в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего (п. «з»). Эти мотивы являются извиняю-

¹ См.: Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев. 1997. С. 22—24.

² См.: Дагель П.С. Классификация мотивов и ее криминологическое значение // Некоторые вопросы социологии права. Иркутск, 1967. С. 272—275; Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж. 1974. С. 196—198.

³ См.: Филиановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 60—62.

щими, причем лишь в некоторой степени, но коль скоро они явились побудительной причиной совершения преступления, т.е. стали преступными мотивами, они ни в коей мере не могут характеризоваться как социально полезные.

Исходя из того, что все преступные мотивы являются общественно опасными, Б.С. Волков делит их на три группы: 1) политического характера (классовая ненависть, классовая месть); 2) низменные; 3) лишенные низменного характера¹. Эта классификация представляется наиболее обоснованной и практически значимой, поскольку базируется на различиях в нравственной и правовой оценке мотивов. Однако проблематичным является обоснованность выделения в особую группу политических мотивов. Ведь в этом случае они не должны относиться ни к низменным, ни к лишенным низменного характера, что логически невозможно.

Для построения уголовно-правовой классификации мотивов преступлений необходимо исходить из уголовно-правового понятия «низменных побуждений». Между тем авторы подчас используют это понятие, не раскрывая его смысла.

Так, Д.П. Котов к низменным мотивам относит многие побуждения политического (классовая ненависть, месть со стороны эксплуататорских классов), религиозного (суеверия), а также личного характера (месть, трусость, зависть). Нередко в литературе к низменным мотивам относят месть, зависть, личную неприязнь и т.п.². Думается, это непозволительно широкая трактовка понятия «низменные побуждения».

Побуждения, которыми лицо руководствовалось при совершении преступления, можно считать низменными при условии, что законодатель рассматривает их как повышающие общественную опасность деяния. Это возможно в трех случаях.

Во-первых, когда с помощью мотива, введенного в число признаков состава, конструируется *специальный состав* преступления, рассматриваемый по закону как более опасный, чем обладающий

¹ См.: Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 16.

² См.: Уголовное право России. Том 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 175; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева и А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 136; Иванов Н.Г. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части. М., 2000. С. 357.

теми же объективными свойствами, но лишенный данного мотива. Например, причинение тяжкого вреда здоровью одним осужденным другому осужденному на почве мести за оказание последним содействия администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (ч. 3 ст. 321 УК) представляет специальный вид преступления, более опасный, чем умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «а» ч. 2 ст. 111 УК). Однако нельзя во всех случаях признавать низменными те мотивы (как и цели), которые входят в состав преступления в качестве *обязательного признака*. Так, личную заинтересованность при злоупотреблении должностными полномочиями нельзя признать низменным побуждением, поскольку она не усиливает, а обосновывает уголовную ответственность за данное деяние.

Во-вторых, мотив можно считать низменным, если ему придается значение *квалифицирующего признака*. Так, корыстные, хулиганские побуждения, мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, мотив кровной мести также являются низменными, поскольку они существенно повышают опасность умышленного убийства и усиливают наказание за него (например, п. «з», «и», «л» ч. 2 ст. 105 УК).

В-третьих, мотив следует признать низменным, если он включен законодателем в число обстоятельств, отягчающих наказание (п. «е» и «ж» ч. 1 ст. 63 УК). Эти мотивы должны учитываться как обстоятельства, отягчающие наказание, при совершении любых преступлений.

К низменным относятся такие мотивы, как корыстные (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «з» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 206 УК), хулиганские (п. «и» ч. 2 ст. 105, ст. 245 УК), национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (п. «е» ч. 1 ст. 63, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК), мести за осуществление потерпевшим своей служебной деятельности или общественного долга (п. «ж» ч. 1 ст. 63, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК), мести за правомерные действия других лиц (п. «е» ч. 1 ст. 63, ст. 295, 317 УК). Понятие низменных побуждений в действующем законодательстве весьма ограничено, поскольку используется только в ст. 153 и 155 УК. В обоих случаях использование данного термина является весьма неудачным, ибо

оно неосновательно сужает рамки применения указанных норм. Представляется, что потребностям практики гораздо больше соответствовало бы определение мотивов подмены ребенка, а также разглашения тайны усыновления (удочерения) из корыстной или *иной личной заинтересованности*.

Мотивы, не предусмотренные в перечне обстоятельств, отягчающих наказание, а также не используемые в Особенной части УК для усиления наказания, не могут признаваться низменными, хотя степень их предвосудительности может довольно существенно различаться (месть, ревность, карьеризм, личная неприязнь, сексуальная неудовлетворенность и т.п.).

Действительный мотив преступления и его мотивировка виновным, нередко намеренно скрывающим свои подлинные побуждения, зачастую не совпадают. Поэтому для установления психологического мотива конкретного преступного поведения может быть назначена судебно-психологическая экспертиза ¹.

Важным признаком субъективной стороны преступления является *цель* деяния.

Психологи определяют цель как обоснованную мысль о будущем желаемом результате собственных действий, выраженную в образной или речевой форме ², как осознанное, выраженное в словах или образе, предвосхищение результата действия, связанное с мотивом ³. Нисколько не умаляя тесной связи между мотивом и целью действия, следует все же подчеркнуть, что это самостоятельные психические явления. По степени осознанности побуждений, ставших двигателем поведения, различают мотив-влечение, мотив-желание и мотив-цель ⁴. Только в последнем случае может наблюдаться совпадение (причем неполное) мотива и цели. В прочих случаях мотив и цель не совпадают.

Цель преступления — это идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к причинению которого стремится правонарушитель посредством совершения преступления.

¹ См.: *Ситковская О.Д., Коньшева Л.Н., Коченов М.М.* Новые направления судебно-психологической экспертизы. М., 2000. С. 21.

² См.: *Беспалов Б.И.* Действие. Психологические механизмы визуального мышления. М., 1984. С. 183.

³ См.: *Тихомиров О.К.* Психология мышления. М., 1984. С. 107.

⁴ См.: *Теоретическая и прикладная психология.* М., 1986. С. 87.

Отдельными учеными цель рассматривается как элемент умысла. Так, по мнению Р.И. Михеева, «цель, заключающаяся в достижении преступного последствия, является элементом прямого умысла; цель, направленная на результат, находящийся за рамками состава, характеризует направленность умысла...»¹. Ошибка названного ученого состоит в том, что будущий желаемый результат неосновательно отождествляется им с общественно опасным последствием, входящим в объективную сторону преступления. Если бы цель и последствие были бы одним и тем же, то не было бы никакой необходимости вводить специальную цель деяния в число признаков состава преступления. Цель *никогда* не совпадает с последствием и отделена от него во времени. Квалификация преступления определяется *постановкой* цели, а вовсе не ее реализацией. Именно *наличием* цели, находящейся за рамками объективной стороны преступления с материальным составом, обусловлено повышение общественной опасности деяния. Поэтому в одних случаях именно благодаря наличию у правонарушителя специальной цели деяние становится уголовно-наказуемым, а в других — такая цель обосновывает усиление ответственности за деяние, которое является преступным и без этой цели.

Цель как признак субъективной стороны преступления связана не только с мотивом, но и с виной. Включение специальной цели в субъективную сторону конкретного преступления свидетельствует о целенаправленном характере деяния, которое в этом случае служит не самоцелью, а способом достижения того конечного результата, который и является целью. Этот результат, а также само деяние и его общественно опасные последствия, как способ достижения поставленной цели, являются для субъекта преступления желаемыми. Поэтому следует констатировать, что специальная цель деяния совместима только с прямым умыслом. Ни неосторожные преступления, ни преступления с альтернативной формой вины, ни даже преступления, совершение которых возможно с любым видом умысла, никогда не включают в свой состав специальной цели, сформулированной законодателем.

¹ Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. С. 385.

Для уголовно-правовой классификации целей преступления можно использовать те же критерии, что и для классификации мотивов.

К низменным целям следует отнести такие, как цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «е» ч. 1 ст. 63, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК), цель использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 152 УК), цель вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или иных антиобщественных действий (п. «е» ч. 2 ст. 152 УК), цель прекращения государственной или иной политической деятельности потерпевшего (ст. 277 УК), цель свержения или насильственного изменения конституционного строя РФ (ст. 279 УК), цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ (ст. 281 УК). Прочие цели, когда они вводятся в состав конкретных преступлений, относятся к не имеющим низменного характера, поскольку они не рассматриваются законодателем как повышающие общественную опасность деяния, хотя степень предосудительности этой группы целей может существенно различаться.

Мотив и цель преступления могут выполнять в уголовном праве четыре функции.

Во-первых, они играют роль признаков, придающих деянию характер уголовно наказуемого и отграничивающих преступления от непроступных деяний. Например, невыплата свыше двух месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат является преступной только при совершении из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 145-1 УК). Алжепредпринимательство уголовно наказуемо только при наличии цели получения кредитов, освобождения от налогов, извлечения иной имущественной выгоды или прикрытия запрещенной деятельности (ст. 173 УК).

Во-вторых, мотив и цель, введенные в состав преступления в качестве обязательного признака, могут отграничивать одно преступление от другого, т.е. определять квалификацию по различным уголовно-правовым нормам. Так, уничтожение путем взрыва, поджога или иным общепасным способом важных народно-хо-

заявленных объектов с целью подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ квалифицируется как диверсия (ст. 281 УК), а те же действия без указанной цели подлежат квалификации по ч. 2 ст. 167 или по ст. 205 УК. Причинение легкого вреда здоровью из хулиганских побуждений квалифицируется по ст. 213, а без указанных мотивов — по ст. 115 УК.

В-третьих, включение мотива и цели в диспозицию уголовно-правовой нормы может создавать квалифицированные виды преступления: убийство из корыстных или хулиганских побуждений либо совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение и т. д.

В-четвертых, мотив и цель, не будучи включенными в диспозицию конкретной уголовно-правовой нормы, могут играть роль обстоятельств, смягчающих (п. «д», «ж» и «з» ч. 1 ст. 61 УК) или отягчающих наказание (п. «е» 2 и «ж» ч. 1 ст. 63 УК). В качестве смягчающих обстоятельств суд вправе учесть различные мотивы и цели, не относящиеся к низменным, если их наличие, по мнению суда, снижает степень общественной опасности деяния.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

§ 1. Вина и квалификация преступлений

Можно выделить несколько направлений, по которым вина влияет на квалификацию преступлений. Прежде всего квалификация зависит от формы вины.

В действующем уголовном законодательстве имеются составы преступлений с так называемой альтернативной формой вины, т.е. таких преступлений, совершение которых возможно как умышленно, так и по неосторожности. Каждый раз при применении норм о таких преступлениях суду необходимо решать вопрос о том, с какой формой вины было совершено преступление в конкретном случае, ибо от ответа на этот вопрос зависит целый ряд последствий правового характера, хотя квалификация преступления от формы вины и не зависит. Кроме того, во многих нормах не используются признаки, с помощью которых можно однозначно определить форму вины, поэтому в теории уголовного права этот вопрос носит дискуссионный характер, а практика применения этих норм отличается большими разночтениями.

Ответственность за некоторые преступления в уголовном законе дифференцируется в зависимости от того, с какой формой вины совершено деяние. Так, за убийство, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества предусмотрена ответственность специальными нормами с достаточно суровыми санкциями, а за эти же деяния, но совершенные по неосторожности, назначается менее строгое наказание по другим нормам. Следовательно, в этих случаях форма вины определяет квалификацию за деяния, неразличимые по объективным признакам.

Например, рабочие подсобного хозяйства К. и З. после распития спиртных напитков, в котором принимал участие и начальник подсобного хозяйства С., решили искупать последнего в реке по существующим в деревне обычаям. Они столкнули С., который к этому времени был в состоянии сильного опьянения, с деревян-

ных мостков в воду. Он некоторое время плыл по реке, а потом утонул. В результате неверной оценки субъективной стороны этого преступления Горьковский областной суд осудил К. и З. за убийство из хулиганских побуждений. Рассмотрев дело по кассационным жалобам, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что вывод об умышленном характере совершенного преступления областной суд сделал «без должного учета конкретных обстоятельств дела, взаимоотношений потерпевшего и виновных, их намерений и всей обстановки происшедшего», поскольку «К. и З., сталкивая С. в воду, не предвидели его гибели, хотя при сложившейся ситуации должны были и могли предвидеть, что в результате их действий могут наступить указанные последствия»¹. На этом основании Судебная коллегия квалифицировала описанное преступление как причинение смерти по неосторожности.

Другая ошибка была допущена президиумом областного суда Карачаево-Черкесской автономной области, который переквалифицировал с ч. 1 ст. 108 УК РСФСР (ч. 1 ст. 111 УК РФ) по ч. 1 ст. 114 УК РСФСР (ч. 1 ст. 118 УК РФ) действия К. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала по этому делу: «Нанося удар обувью в туристический ботинок ногой в живот потерпевшему, К. предвидел и сознательно допускал возможность причинения потерпевшему тяжких телесных повреждений»², т.е. совершил преступление не по неосторожности, а умышленно.

В обоих случаях суд допустил ошибку в определении формы вины, что повлекло неправильную квалификацию, которая была исправлена лишь Верховным Судом РСФСР.

Для квалификации умышленных преступлений большое значение имеет не только форма вины, но и *направленность умысла*, под которым понимается обусловленная определенными побуждениями мобилизация волевых усилий субъекта на причинение определенных общественно опасных последствий конкретными способами. Квалификация преступлений непосредственно зависит от на-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 5. С. 6.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 6. С. 5.

правленности умысла тогда, когда совершенные действия могут иметь неодинаковое юридическое значение. Так, сообщение заведомо ложных сведений о якобы совершенном другим лицом тяжком или особо тяжком преступлении может составлять признаки либо клеветы (ч. 3 ст. 129 УК), либо заведомо ложного доноса (ч. 2 ст. 306 УК). Решающим критерием квалификации здесь является направленность умысла, поскольку клевета, соединенная с обвинением в совершении преступления, отличается от заведомо ложного доноса тем, что при последнем умысел виновного направлен на привлечение потерпевшего к уголовной ответственности, а при клевете — на унижение его чести и достоинства¹.

Направленность умысла имеет определяющее значение при квалификации преступлений, связанных с посягательством на личность, и для их отграничения от иных преступлений, сходных по объективным признакам. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 5 от 24 декабря 1991 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» указал: «Судам следует отграничивать хулиганство* от других преступлений в зависимости от содержания и направленности умысла виновного, мотивов, целей и обстоятельств совершенных им действий».

Нанесение оскорблений, побоев, причинение легких или менее тяжелых телесных повреждений и другие подобные действия, совершенные в семье, квартире, в отношении родственников, знакомых и вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и т. п., должны квалифицироваться по статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против личности².

Без должного учета направленности умысла К. был осужден по п. «в» ч. 3 ст. 228 УК за незаконную перевозку маковой соломки. Рассмотрев дело по протесту заместителя Генерального прокурора РФ, Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала, что умысел осужденного после приобретения одного пакетика маковой соломки весом 19,5 г был направлен на ее доставку к месту своего жительства для личного потребления, поэтому деяние следует при-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1979. № 12. С. 8.

² Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 454.

знать незаконным хранением наркотических средств, которое при отсутствии признака крупного размера не является уголовно наказуемым, и дело прекратила за отсутствием состава преступления¹.

Ошибка в определении направленности умысла была допущена и по делу Б., осужденного по п. «а», «в», «д» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ приговор изменила, пере-квалифицировав деяние с п. «а» на п. «н» ч. 2 ст. 105 УК, и указала, что после убийства М-ва на почве личных неприязненных отношений Б. совершил убийство М-вой с целью сокрытия первого убийства, т.е. умысел осужденного не был направлен сразу на убийство двух лиц².

Направленность умысла была неверно установлена и по делу У., осужденного Пермским областным судом по ч. 4 ст. 117 и п. «г» и «е» ст. 102 УК РСФСР.

Преодолевая сопротивление потерпевшей в процессе изнасилования, У. нанес ей несколько ударов кулаком по голове, причинив травму, результатом которой стало повреждение головного мозга. Потерпевшая сумела дойти до деревни, где и скончалась в своем доме. Суд не учел того, что у подсудимого не было причин желать смерти потерпевшей. После того, как она прекратила сопротивляться, У. перестал избивать ее, а после изнасилования не только не пытался убить, а даже звал с собой, но она отказалась. Таким образом, умысел подсудимого был направлен на совершение полового акта с применением насилия по отношению к потерпевшей, а причинение вреда здоровью и даже неосторожное причинение смерти потерпевшей охватывается диспозицией уголовно-правовой нормы об изнасиловании, повлекшем особо тяжкие последствия. Следовательно, дополнительное вменение умышленного убийства было необоснованным³.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что неправильная оценка направленности умысла на *определенный объект* влечет ошибочную квалификацию преступления. Но направленность умысла может определять квалификацию преступлений и в

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 10. С. 8.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 11. С. 19.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 6. С. 8—9.

том случае, когда уголовная ответственность дифференцируется в законе в зависимости от *количественной характеристики причиненного вреда* (об этом см. более подробно в § 3 настоящей главы).

Квалификация преступления нередко зависит от направленности умысла на причинение вреда избранному объекту *определенным способом*. Эта зависимость наглядно проявляется при квалификации хищения, ответственность за которое дифференцируется в законе по формам хищения, т.е. по способу незаконного завладения имуществом. Преимущественное влияние направленности умысла на квалификацию хищения подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности», в котором сказано: «Похищение имущества надлежит считать тайным (кражей), если оно совершено в отсутствие потерпевшего или посторонних лиц, либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. Если потерпевший или посторонние лица видели, что происходит похищение, но виновный, исходя из окружающей обстановки, считал, что действует тайно, содеянное также следует квалифицировать как кражу»¹.

Квалификация преступлений может зависеть и от направленности умысла на совершение деяния конкретным способом, имеющим значение не обязательного, а квалифицирующего признака.

В соответствии с действующим законодательством кража, грабеж и разбой считаются совершенными при отягчающих обстоятельствах, если они совершены с проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Для квалификации преступлений по соответствующим статьям УК необходимо установить, что умысел виновного был направлен на совершение деяния именно этим способом. Между тем Верховный Суд РСФСР в качестве серьезного недостатка отметил, что «суды не во всех случаях выясняют направленность умысла виновного, оказавшегося в жилище», и поэтому «неправильно квалифицируют хищение как совершенное с проникновением, тогда как виновный вошел в помещение без це-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 6. С. 6.

ли хищения и умысел на это преступление у него возник уже в момент пребывания там»¹.

Направленность умысла на совершение деяния определенным способом нередко влияет на квалификацию преступлений против личности. Так, УК относит к квалифицированным видам убийства, в частности, убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105). В соответствии с разъяснением, содержащимся в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», «при решении вопроса о направленности умысла следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения»². О направленности умысла на причинение потерпевшему особых страданий как квалифицирующем признаке убийства в п. 8 названного постановления указано: «Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение человека заживо, длительное лишение пищи, воды и т. п.)»³.

Обращает на себя внимание вторая половина приведенного разъяснения, в которой подчеркивается субъективная направленность деяния на причинение потерпевшему особых страданий: убийство признается совершенным с особой жестокостью, если виновный намеренно причинил потерпевшему особые страдания, т.е. избранный способ лишения жизни заведомо был связан с такими страданиями. Это правило полностью относится и к убийству, совершенному общеопасным способом.

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 2. С. 14.

² Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов... С. 533.

³ Там же. С. 53—34.

Некоторыми учеными высказывалась мысль о том, что на квалификацию может оказывать влияние вид умысла. Так, по мнению Н.И. Загородникова, субъективная сторона преступного нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного или воздушного транспорта может характеризоваться только неосторожностью или косвенным умыслом, а если имеется прямой умысел, то деяние следует квалифицировать как повреждение путей сообщения и транспортных средств либо как умышленное преступление против жизни или здоровья¹. Сходное мнение высказано П.И. Гришаевым², С.В. Бородиным³ и некоторыми другими авторами⁴, полагающими, что доведение до самоубийства может характеризоваться только неосторожностью либо косвенным умыслом, а при наличии прямого умысла деяние должно рассматриваться как своеобразный вид убийства «руками потерпевшего».

В связи с приведенными суждениями следует подчеркнуть: ни в действующем уголовном законодательстве, ни в теории уголовного права не имеется никаких оснований для различной квалификации оконченного преступления в зависимости от того, совершено ли оно с прямым или косвенным умыслом. Умышленное причинение крупного ущерба путем осознанного нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспорта, независимо от вида умысла, должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 167 УК (по признаку совершения деяния общеопасным способом), а умышленное причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью либо смерти при таких же обстоятельствах — по ст. 111, 112 или 105 УК. Точно так же доведение до самоубийства квалифицируется по ст. 110 УК при любой форме вины; независимо от вида умысла оно ни при каких обстоятельствах не может быть признано убийством, поскольку отсутствует объективная сторона последнего. Вид умысла может оказывать влияние на квалификацию только неоконченных преступлений, о чем будет сказано в § 6 настоящей главы.

¹ См.: Уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1969. С. 278.

² См.: Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1988. С. 161.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 299.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1994; Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий. Ярославль, 1994. С. 325; Уголовное право. Особенная часть. Ч. 1. СПб., 1995. С. 101; Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.И. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С. 58.

Отрицая влияние вида умысла (прямого или косвенного) на квалификацию преступления, следует вместе с тем признать, что на квалификацию преступления влияет вид умысла, определяемый степенью определенности представлений субъекта о существенных объективных свойствах деяния. Речь идет об альтернативном и неопределенном (неконкретизированном) умысле.

Совершенные с *альтернативным* умыслом преступления должны квалифицироваться в зависимости от фактически причиненных последствий. Так, лицо, наносящее проникающее ножевое ранение в грудь, действует с альтернативным умыслом, если с равной долей вероятности предвидит любое из двух возможных последствий: смерть или тяжкий вред здоровью. Его действия должны квалифицироваться как умышленное причинение тех последствий, которые фактически наступили. В литературе высказывалась и точка зрения, согласно которой преступления, совершенные с альтернативным умыслом, следует квалифицировать как покушение на причинение наиболее тяжких последствий из числа тех, которые охватывались сознанием виновного¹. Такая позиция аргументируется доводом, что последствия, вменяемые субъекту, «охватывались его сознанием и его воля была направлена на достижение этих более тяжких последствий»². Ошибочность приведенной точки зрения обусловлена тем, что она исходит из необоснованной презумпции, будто воля субъекта направлена на достижение более тяжких последствий из числа охватываемых его умыслом. Но если бы это было так, то умысел был бы не альтернативным, а простым определенным.

Преступления, совершенные с неопределенным умыслом, следует квалифицировать как умышленное причинение тех последствий, которые фактически были причинены.

Так, Х. был осужден к шести годам лишения свободы за покушение на убийство А. Кассационная инстанция переквалифицировала совершенное деяние как покушение на убийство в состоянии аффекта и снизила наказание. Президиум Верховного Суда

¹ См.: Селезнев М. Умысел как форма вины // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 11.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общей редакцией Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1966. С. 55.

РСФСР, рассмотрев дело по принесенному в порядке надзора протесту заместителя Генерального прокурора, указал следующее. Осужденный и потерпевший находились в дружеских отношениях, ссора между ними возникла случайно и ее инициатором был сам потерпевший, который в процессе ссоры ударил Х. кулаком по переносице и ногой в пах. После этого Х. выхватил нож и нанес им потерпевшему два удара: один — в грудь, а второй — в спину, после чего драка прекратилась и Х. не предпринимал никаких попыток лишить потерпевшего жизни. Напротив, собранные по делу доказательства указывают на то, что Х., находясь в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего, нанес ему ножевые ранения, действуя с неопределенным умыслом. Поэтому его деяние должно квалифицироваться в зависимости от фактически наступивших последствий, т.е. как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения¹.

§ 2. Вменение квалифицирующих признаков

В соответствии с принципом субъективного вменения привлечение к уголовной ответственности обоснованно лишь при условии, что виной субъекта охватываются все обстоятельства, образующие в своей совокупности состав данного преступления. Это касается не только обстоятельств, являющихся необходимыми признаками данного состава преступления, но и обстоятельств, имеющих значение квалифицирующих признаков. Как отмечалось в юридической литературе, «наряду с признаками объекта и объективной стороны преступления содержанием субъективной стороны охватывается психическое отношение виновного к квалифицирующим признакам состава преступления»².

Для правильного решения вопроса о формах вины по отношению к квалифицирующим признакам состава преступления необходимо, во-первых, отграничить квалифицированные виды неосторожных преступлений от квалифицированных видов умышлен-

¹ См.: Практика прокурорского надзора при рассмотрении судами уголовных дел. М., 1987. С. 30—31.

² Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 110.

ных преступлений, а во-вторых, отдельно рассмотреть психическое отношение виновного к квалифицирующим последствиям и отношение к иным квалифицирующим признакам.

Применительно к квалифицирующим последствиям в неосторожных преступлениях вопрос о психическом отношении к ним сомнений не вызывает: оно может быть только неосторожным, иначе все преступление в целом превратилось бы в умышленное. Значит, задача выяснения характера психического отношения к квалифицирующим последствиям относится только к умышленным преступлениям.

Признаки состава преступления, имеющие квалифицирующее значение, условно можно разделить на четыре группы: 1) характеризующие объект посягательства; 2) характеризующие действие или бездействие; 3) относящиеся к последствиям; 4) касающиеся субъекта преступления.

Самым распространенным квалифицирующим признаком умышленных преступлений по действующему уголовному законодательству являются общественно опасные *последствия*, указанные в законе либо конкретно (например, причинение вреда здоровью, смерть человека, гибель нескольких лиц, загрязнение, отравление или заражение окружающей среды и т.д.), либо путем оценки степени их тяжести (особо тяжкие, тяжкие и т.п.).

В постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» Пленум Верховного Суда СССР указал: «Вредные последствия, независимо от их тяжести, могут быть вменены лицу лишь в том случае, если оно действовало в отношении их умышленно или по неосторожности». Ссылаясь на это разъяснение, некоторые ученые высказали мнение, что психическое отношение и к *квалифицирующим* последствиям умышленных преступлений может быть либо умышленным, либо неосторожным. Однако подобное утверждение высказано без учета того, что приведенное выше разъяснение было дано в связи с имевшими в судебной практике место случаями объективного вменения, т.е. подчеркивало неизбежность *принципа* субъективного вменения и не относилось к какому-либо частному вопросу. Поэтому упомянутое разъяснение нельзя распространять на во-

прос о форме вины по отношению к квалифицирующим последствиям и утверждать, что и по отношению к ним возможна любая форма вины. Напротив, некоторые юристы считают, что к последствиям, имеющим в умышленных преступлениях значение квалифицирующего признака, вина может выражаться только в неосторожности¹.

В значительном числе норм действующего УК прямо указано на неосторожную форму вины по отношению к квалифицирующим последствиям умышленного преступления. Значит, необходимо сформулировать правила установления возможной формы вины к таким последствиям только для тех норм, в которых форма вины к ним законодателем не определена.

При отсутствии в диспозиции уголовно-правовой нормы прямого указания на неосторожное отношение к квалифицирующему последствию умышленного преступления причинение такого последствия с умыслом (а тем более — по неосторожности) полностью охватывается этой нормой и не требует дополнительной квалификации, если в статье УК об умышленном причинении того же самого последствия закон не предусматривает более строгого наказания, чем за умышленное преступление, в котором данное последствие играет роль квалифицирующего признака. Например, п. «в» ч. 3 ст. 162 УК за разбой с причинением тяжкого вреда здоровью влечет наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества. В данном случае умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при совершении разбоя наказывается существенно строже, чем причинение такого вреда по ч. 1—3 ст. 111 УК. Значит, составом разбоя, совершенного с причинением тяжкого вреда здоровью, это последствие полностью охватывается как при неосторожном, так и при умышленном его причинении.

Если же нормой об умышленном причинении определенного последствия предусмотрено более строгое наказание, чем нормой, в которой данное последствие играет роль квалифицирующего

¹ См.: *Макашвили В.Г.* Некоторые вопросы вины в советском уголовном законодательстве // Советское государство и право. 1952. № 1. С. 40; *Фролов Е., Свинкин А.* Двойная форма вины // Советская юстиция. 1969. № 7. С. 7.

признака умышленного преступления, то последней нормой это последствие охватывается только при неосторожном его причинении. В действующем УК роль квалифицирующих признаков придается конкретно обозначенным последствиям только в нормах об экологических преступлениях (причинение вреда здоровью, массовая гибель животных и т.п.). В таких случаях необходимо исходить из характера и количественных показателей причиненного ущерба, что практически возможно только применительно к причинению вреда здоровью. Например, ч. 2 ст. 247 УК предусматривает максимально строгое наказание в виде 5 лет лишения свободы. Из этого следует, что при умышленном к ним отношении этой нормой охватываются последствия в виде причинения только легкого и средней тяжести вреда здоровью без отягчающих обстоятельств (ст. 115 и ч. 1 ст. 112 УК). Если же при умышленной вине эти последствия выразились в причинении средней тяжести вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 и 3 ст. 112 УК) или тяжкого вреда здоровью, то это требует дополнительной квалификации по статьям УК о преступлениях против здоровья.

По этому же принципу следует определять, охватываются ли данной нормой умышленно причиненные последствия в случаях, когда в диспозиции они определены оценочным термином — как тяжкие.

Имелись попытки применить концепцию преступлений с двумя формами вины для установления отношения не к последствию, а к иным квалифицирующим признакам умышленных преступлений, например, к признаку особой жестокости при убийстве¹. При этом «умысел» в обоих его видах и виды «неосторожности» конструируются как психическое отношение субъекта к самым различным признакам, характеризующим объект, способ, обстановку совершения преступления и т. п. К сожалению, подобные теоретические конструкции имеют под собой определенные основания, содержащиеся в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР. В постановлении № 2 от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по де-

¹ См.: *Воробьева Т., Санталов А.* Квалификация убийства с особой жестокостью // Советская юстиция. 1986. № 11. С. 13; *Бородин С.* Значение субъективной стороны убийства с особой жестокостью для его квалификации // Социалистическая законность. 1986. № 8. С. 47.

лам об изнасиловании» говорилось, что за изнасилование несовершеннолетней несет ответственность «лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть»¹. Аналогичное разъяснение содержалось и в постановлении № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную или иную антиобщественную деятельность»². В несколько измененном виде это положение воспроизведено и Пленумом Верховного суда РФ, который в постановлении № 4 от 22 апреля 1992 г. разъяснил что деяние может квалифицироваться как изнасилование несовершеннолетней или малолетней, «когда виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней или малолетней»³. Как видно из приведенного суждения, Пленум Верховного Суда РФ уже не признает возможности отношения к названным квалифицирующим признакам в виде небрежности, но допускает возможность косвенного умысла по отношению к ним.

Изложенная позиция не соответствует теоретическому понятию и психологической сущности, а также законодательному описанию умысла и неосторожности, поэтому подвергается обоснованной критике со стороны известных ученых. А.Я. Светлов пишет: «Психическое отношение к отдельным объективным признакам состава не следует называть «умыслом» или «неосторожностью», поскольку закон употребляет эти понятия лишь для обобщенной характеристики деяния в целом»⁴. Приведенное суждение представляется абсолютно правильным, поскольку законодательные формулы умысла и неосторожности определяют психическое отношение одновременно и к деянию, и его вредным последствиям, они имеют строго определенное содержание и не могут произвольно меняться. Аналогичное мнение отстаивает и П.С. Дагель:

¹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов... С. 25—26.

² См.: Там же. С. 123.

³ Там же. С. 459.

⁴ Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. Киев, 1978. С. 68.

«Формы вины характеризуют отношение виновного к деянию и вредным последствиям в целом, то есть в целом к совершенному преступлению. Поэтому они не могут рассматриваться только по отношению к одному из признаков, который характеризует какой-либо из элементов состава преступления»¹.

Все объективные признаки преступления, за исключением последствий, осознаются либо не осознаются субъектом, т.е. составляют предмет *интеллектуального*, а не волевого отношения, а само это отношение не является ни умыслом, ни неосторожностью. Поэтому конструирование двух форм вины на основе неоднородного психического отношения к чему-либо, кроме последствий, теоретически несостоятельно.

Таким образом, представляется научно необоснованным построение неосторожной вины по отношению к такому квалифицирующему признаку, как особые свойства объекта (возраст потерпевших при изнасиловании). При совершении умышленного преступления лицо может относиться неосторожно по отношению только к одному квалифицирующему признаку — последствию, а «иные квалифицирующие обстоятельства умышленного преступления могут вменяться в вину только тогда, когда преступник заведомо знал о наличии этих обстоятельств»². Отвергая возможность вменения при совершении умышленных преступлений таких обстоятельств, о которых лицо не знало, но могло и должно было знать, Г.А. Кригер писал: «Поскольку умышленное деяние предполагает осознание лицом общественно опасного характера своих действий, то видимо, все обстоятельства, влияющие на характер общественной опасности, должны быть известны лицу»³. Действительно, никакое преступление не может быть признано умышленным, если субъект не осознает характера объекта либо тех обстоятельств объективной стороны, которые существенно влияют на характер и степень общественной опасности деяния. Ведь по законо-

¹ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 174—175.

² Угрехелидзе М.Г. Проблемы неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976. С. 94.

³ Кригер Г. Еще раз о смешанной форме вины // Советская юстиция. 1967. № 3. С. 7. См.: Он же. Определение формы вины // Советская юстиция. 1979. № 20. С. 8.

дательному определению умысел характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния. А применительно к квалифицированным составам это требование означает осознание *повышенной* общественной опасности деяния, что предполагает обязательное знание субъектом тех фактических обстоятельств, которые и повышают эту опасность. Не случайно высшие судебные органы необходимым компонентом умышленного преступления обычно считают знание виновным не только основных, но и квалифицирующих обстоятельств. Например, такую позицию занял Президиум Верховного Суда РСФСР по делу Х., осужденного Кемеровским областным судом по ч. 4 ст. 117 УК РСФСР. Президиум переквалифицировал содеянное по ч. 3 ст. 117 УК на том основании, что Х. не знал, что потерпевшая является малолетней, а внешне она выглядела на 17—18 лет¹.

Все прочие, помимо последствий, квалифицирующие обстоятельства, характеризующие особые свойства объекта или объективной стороны преступления, могут быть вменены лишь при условии, что виновному было известно о наличии этих обстоятельств.

§ 3. Субъективная ошибка и квалификация преступлений

С принципом субъективного вменения непосредственно связан вопрос о субъективной ошибке. «Ошибка — это заблуждение лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление. Иначе говоря, это заблуждение лица относительно характера и степени общественной опасности совершаемого деяния и его противоправности»².

Классификации субъективных ошибок уделялось много внимания еще в русском дореволюционном уголовном праве. Так, Н.С. Таганцев, положив в основу деления предмет, относительно которого возникает заблуждение, различал ошибку, относящуюся к фактическим обстоятельствам, и ошибку, относящуюся к законоположениям³, а П.П. Пусторослев к этим двум видам добавлял

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. № 10. С. 14.

² Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988. С. 35.

³ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. Том 1. СПб., 1902. С. 585.

еще и ошибку в лице или предмете¹. Используя другие классификационные критерии, Н.С. Таганцев выделял ошибки в силу неведения и неправильного представления, извинительные и неизвинительные² и пр. Немало трудов посвящено вопросу о субъективной ошибке и в более поздней правовой литературе. Так, В.Ф. Кириченко различал субъективные ошибки: а) относительно обстоятельств, являющихся признаками состава преступления; б) относительно общественной опасности деяния и в) ошибку в праве, или юридическую ошибку³. Более развернутую классификацию субъективных ошибок предложил П.С. Дагель, классифицировав их: а) по предмету — на ошибку юридическую и фактическую; б) по причинам возникновения — на извинительную и неизвинительную; в) по своей значимости — на существенную и несущественную; г) по степени оправданности — на виновную и невиновную⁴.

Представляется, что для работников правоприменительных органов наиболее приемлема та классификация, которая удовлетворяет требованиям практической значимости. Поэтому можно отдать предпочтение делению субъективной ошибки на юридическую и фактическую.

Юридическая ошибка — это заблуждение лица относительно юридической сущности и юридических последствий совершаемого деяния. Различают следующие виды юридической ошибки:

1) ошибочное представление о совершаемом деянии как о преступном, тогда как на самом деле закон не относит его к преступлениям («мнимое преступление»). В подобных случаях уголовная ответственность исключается, поскольку для нее нет объективного основания: не совершено преступного деяния;

2) неверная оценка совершаемого деяния как непроступного, в то время как в действительности оно предусмотрено законом в качестве преступления. Подобная ошибка не исключает умышлен-

¹ См.: *Пуусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Юрьев, 1907. С. 341, 366.

² См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Общая часть. Том 1. СПб., 1902. С. 54, 582.

³ См.: *Кириченко В.Ф.* Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 18.

⁴ См.: *Дагель П.С.* Обстоятельства, исключющие виновность субъекта и влияющие на форму вины // Советская юстиция. 1973. № 3. С. 14—16.

ной вины, ибо незнание закона не равнозначно непониманию общественной опасности деяния и не может оправдать лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние;

3) заблуждение субъекта относительно юридических последствий совершаемого преступления: о его квалификации, виде и размере наказания, которое может быть назначено за совершение этого деяния. Названные обстоятельства не входят в предметное содержание вины и не обязательно должны охватываться сознанием виновного, поэтому их ошибочная оценка не исключает ни умысла, ни уголовной ответственности.

Итак, общее правило относительно значения юридической ошибки может быть сформулировано следующим образом: уголовная ответственность лица, заблуждающегося относительно юридических свойств и юридических последствий совершаемого деяния, наступает в соответствии с оценкой этого деяния не субъектом, а законодателем, следовательно, такая ошибка не влияет ни на форму вины, ни на квалификацию преступления, ни на размер назначенного наказания.

Фактическая ошибка — это заблуждение лица относительно фактических обстоятельствах, являющихся объективными признаками состава данного преступления и определяющих характер преступления и степень его общественной опасности. В зависимости от содержания неправильных представлений, т.е. от предмета неверных восприятия и оценок, принято различать фактические ошибки относительно: 1) общественной опасности совершаемого деяния, 2) объекта посягательства, 3) причиняемых последствий, 4) развития причинной связи, 5) обстоятельств, отягчающих ответственность.

Ошибка *относительно общественной опасности* совершаемого деяния может быть двоякого рода.

Во-первых, лицо неправильно оценивает свои действия как общественно опасные, тогда как в силу каких-то не известных ему фактических обстоятельств деяние лишено свойства общественной опасности. Например, лицо проникает на территорию склада и «похищает» списанное и предназначенное к уничтожению утратившее ценность имущество. Подобная ошибка не влияет на фор-

му вины, и деяние остается умышленным, но ответственность наступает не за оконченное преступление, а за покушение на него, поскольку преступное намерение не было реализовано и избранному объекту посягательства ущерб фактически не причинен.

Во-вторых, лицо ошибочно считает свои действия правомерными, не осознавая их общественной опасности. Подобное заблуждение обычно бывает обусловлено незнанием каких-то важных фактических обстоятельств, относящихся к объективной стороне преступления и придающих деянию общественно опасный характер. Такая ошибка устраняет умысел, а если деяние является преступным только при умышленном его совершении, то исключается и уголовная ответственность. Например, сбыт фальшивых денег лицом, которое добросовестно считает эти деньги настоящими, не является преступлением из-за отсутствия умысла. Но если законодатель считает деяние уголовно-наказуемым при любой форме вины, то незнание его общественной опасности не исключает ответственности за неосторожное преступление, если лицо должно было и могло осознавать общественно опасный характер совершаемого деяния и предвидеть его общественно опасные последствия. Например, довольно распространенным видом ошибки относительно общественной опасности деяния является так называемая мнимая оборона. За вред, причиненный при мнимой обороне, уголовная ответственность не наступает «в тех случаях, когда обстановка происшествия давала основание полагать, что совершается реальное посягательство, и лицо, применившее средства защиты, не сознавало и не могло сознавать ошибочности своего предположения»¹, т.е. в случаях *извинительной* ошибки относительно общественно опасного характера деяния. А поскольку причинение смерти или серьезного вреда здоровью по закону наказуемо и при неосторожной форме вины, то при наличии виновной ошибки относительно общественной опасности деяния уголовная ответственность может наступить, но не за умышленное, а за неосторожное причинение вреда лицом, действующим в состоянии мнимой обороны, когда оно по обстоятельствам дела должно было

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. С. 12.

и могло осознавать мнимость посягательства и, значит, общественную опасность своих «оборонительных» действий¹.

Ошибка в объекте — это неправильное представление лица о социальной и юридической сущности объекта посягательства и количестве объектов, которым фактически причиняется вред. Возможны две разновидности подобной ошибки.

Во-первых, ошибка, означающая подмену объекта в сознании действующего лица: ошибочно полагая, что деяние посягает на один объект, субъект на самом деле причиняет вред другому объекту, не однородному с тем, который охватывался умыслом виновного. Например, лицо, пытающееся похитить из аптечного склада наркотикосодержащие препараты, фактически похищает лекарства, не содержащие наркотических веществ. При подобного рода ошибке преступление должно квалифицироваться в соответствии с направленностью умысла виновного. Однако нельзя не учитывать того, что объекту, охватываемому умыслом виновного, фактически ущерб не был причинен. Чтобы привести в соответствие эти два фактора (направленность умысла и причинение вреда не тому объекту, на который субъективно было направлено посягательство), при квалификации преступления используется юридическая фикция: преступление, которое по своему фактическому содержанию было доведено до конца, оценивается как покушение на намеченный виновным объект. Так же должен решаться вопрос об оценке действий лица, передавшего иностранному разведчику сведения, которые, по убеждению этого лица, составляют государственную тайну, но на самом деле они составляют служебную тайну: деяние должно квалифицироваться как покушение на разглашение сведений, составляющих государственную тайну. Правило о квалификации преступлений, совершенных с рассмотренной разновидностью ошибки в объекте, применяется только при конкретизированном умысле.

Вторая разновидность ошибки в объекте заключается в незнании обстоятельств, которые изменяют социальную и юридическую оценку объекта в норме уголовного закона. Так, беременность

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. С. 12.

потерпевшей при убийстве или недостижение возраста 18 или 14 лет при изнасиловании существенно повышают общественную опасность названных преступлений и служат квалифицирующими признаками. Эта разновидность ошибки в объекте может двойным образом повлиять на квалификацию преступления. Если виновный не знает об этих обстоятельствах, хотя реально они существуют, преступление должно квалифицироваться как совершенное без данного отягчающего обстоятельства. Если же лицо исходит из ошибочного предположения о наличии соответствующего отягчающего обстоятельства, то деяние следует квалифицировать как покушение на преступление с этим отягчающим обстоятельством.

От ошибки в объекте необходимо отличать ошибку в предмете посягательства либо в личности потерпевшего.

При *ошибке в предмете посягательства* ущерб причиняется именно предполагаемому объекту, хотя непосредственному воздействию подвергается не намеченный виновным, а другой предмет.

Так, вор, располагая сведениями, что на даче, принадлежащей А., никто не живет, по ошибке проникает в соседнюю дачу, принадлежащую В., и похищает оттуда ценные вещи. Такая ошибка не касается обстоятельств, имеющих значение признака состава преступления, поэтому она не влияет ни на форму вины, ни на квалификацию преступления, ни на уголовную ответственность. Однако нужно иметь в виду, что неверное представление о предмете посягательства иногда влечет ошибку и в объекте преступления. Так, похищение у гражданина газовой зажигалки, ошибочно принятой за пистолет, связано с неверной оценкой не только предмета посягательства, но и объекта преступления, поэтому квалифицируется в зависимости от направленности умысла (в данном примере — как покушение на хищение огнестрельного оружия).

Ошибка в личности потерпевшего состоит в том, что виновный, посягая на определенное лицо, ошибочно принимает за него другого человека, на которого и совершает посягательство. В этом случае, как и при ошибке в предмете посягательства, заблуждение виновного относится к обстоятельствам, не являющимся признаками состава преступления. В обоих случаях характер объекта правильно отображается умыслом виновного, поэтому ошибка не ока-

зывает никакого влияния ни на форму вины, ни на квалификацию преступления, ни на уголовную ответственность, если, конечно, с заменой личности потерпевшего не подменяется объект преступления (например, убийство частного лица вместо государственного или общественного деятеля, намеченного в качестве жертвы с целью прекращения его государственной или иной политической деятельности).

Ошибка относительно количества объектов посягательства может быть двоякого рода: а) лицо полагает, что посягает только на один объект, тогда как фактически страдает большее число общественных отношений, охраняемых уголовным правом; б) лицо считает, что его действия направлены против двух или большего числа объектов, а на самом деле вред причиняется только одному из них.

При первой разновидности ошибки относительно числа объектов ответственность за причинение вреда объектам, не охватываемым умыслом виновного, определяется извинительным или виновным характером заблуждения. Если виновный должен был и мог осознать факт посягательства на другие (помимо главного) объекты, то он подлежит ответственности (кроме умышленного преступления) и за неосторожное совершение посягательства на объект, который не охватывался его сознанием. Если ошибка носила извинительный характер, т.е. по обстоятельствам дела лицо не должно было или не могло осознать факта посягательства на другие объекты, причинение им вреда не может влечь уголовной ответственности. Например, при совершении хулиганских действий лицо наносит сильный удар кулаком в лицо потерпевшему, отчего последний падает и получает смертельную травму от удара головой об асфальт. Поскольку субъект при данных обстоятельствах должен был и мог предвидеть возможность падения и наступление тяжких последствий вплоть до смерти, он должен нести ответственность за хулиганство и неосторожное убийство. Если же при сходных фактических обстоятельствах смерть наступила от обострения болезненных внутренних процессов в организме потерпевшего, связанного с несильным ударом по лицу, то причинение смерти не может вменяться субъекту, который по обстоятельствам

дела не мог предвидеть таких последствий, поэтому он должен отвечать только за хулиганство.

Вторая разновидность ошибки относительно числа объектов посягательства состоит в том, что лицо полагает, будто посягает на два или большее число объектов, хотя на самом деле страдает только один из них. При ошибке такого рода деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений: как оконченное преступление, правильно отражаемое умыслом виновного, и как покушение на тот объект (или те объекты), который охватывался умыслом, хотя фактически и не пострадал. Так, за поджог дома с целью убийства его хозяина, который на самом деле в доме не находился, виновный должен нести ответственность за совокупность умышенного уничтожения чужого имущества и покушения на убийство общепопасным способом.

Ошибка относительно причиненных последствий означает зауряднение лица по поводу качественной либо количественной характеристики причиненного вреда.

Ошибка относительно *качества*, т.е. характера общественно опасных последствий, может состоять в предвидении таких последствий, которые фактически не наступили, либо в непредвидении таких последствий, которые реально наступили. Такая ошибка исключает ответственность за умышенное причинение фактически наступивших последствий, но может влечь ответственность за их причинение по неосторожности, если таковая предусмотрена законом. Деяние, повлекшее не те последствия, на которые был направлен умысел, квалифицируется как покушение на причинение последствий, охватываемых предвидением, и, кроме того, как неосторожное причинение фактически наступивших последствий. Например, неудавшаяся попытка уничтожить чужой дом путем поджога, если при этом причинен средней тяжести вред здоровью человека, случайно оказавшегося в доме, должна квалифицироваться как покушение на умышенное уничтожение имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 167 УК) и неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 118 УК). Однако, если неосторожное причинение последствий, не охватываемых умыслом виновного, законом предусмотрено как квалифицици-

рующий признак, то совокупность преступлений не образуется и деяние квалифицируется по той норме, которая предусматривает основное преступление, но сопряженное с данным последствием. Так, умышленное уничтожение дома путем взрыва, при котором погиб случайно оказавшийся в доме человек, квалифицируется по ч. 2 ст. 167 УК.

Ошибка относительно *тяжести* общественно опасных последствий означает заблуждение по поводу их количественной характеристики. При этом фактически причиненные последствия могут оказаться либо менее, либо более тяжкими по сравнению с предполагаемыми.

Если уголовная ответственность в законе не дифференцируется в зависимости от тяжести причиненных последствий (например, размер имущественного ущерба при диверсии в форме уничтожения имущества), то ошибка не оказывает влияния на квалификацию преступления. Не влияет она ни на форму вины, ни на квалификацию преступления и в тех случаях, когда ошибка в количественной характеристике последствий не выходит за определенные рамки, установленные законодателем. Так, идентично квалифицируется умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, если оно выразилось в стойкой утрате общей трудоспособности как на 35, так и на 95 процентов, а также кража чужого имущества, стоимость которого превышает минимальный размер оплаты труда как в 500, так и в 2000 раз.

Когда же ответственность ставится законодателем в зависимости от тяжести последствий, ошибка относительно этого признака влечет квалификацию преступления в соответствии с направленностью умысла виновного. Так, по делу С. и К. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что содеянное С. «надлежит квалифицировать как покушение на хищение в крупном размере, так как при совершении кражи его умысел был направлен на завладение имуществом в крупном размере и не был осуществлен по не зависящим от него обстоятельствам»¹.

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 4. С. 7.

Наступление более тяжкого последствия, чем субъект имел в виду (например, смерти, не входящей в намерения лица, стремящегося причинить лишь телесные повреждения), исключает ответственность за его умышленное причинение. Если при этом причинение более тяжкого последствия охватывалось неосторожной виной, то наряду с ответственностью за умышленное причинение (или попытку причинения) намеченного последствия наступает ответственность и за неосторожное причинение более тяжкого последствия. При этом возможны два варианта квалификации. Деяние квалифицируется по одной уголовно-правовой норме, если она, устанавливая ответственность за умышленное причинение одних последствий, предусматривает неосторожное причинение более тяжких последствий в качестве квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 167, ч. 4 ст. 111 УК). Если же подобная норма в законе отсутствует, а также в случае реальной совокупности преступлений (например, пытаясь причинить тяжкий вред здоровью одного человека, виновный по неосторожности причиняет смерть и другому лицу), деяние должно квалифицироваться по статьям УК об умышленном причинении (или покушении на причинение) намеченного последствия (ч. 1 ст. 111 УК) и о неосторожном причинении фактически наступившего более тяжкого последствия (ст. 109 УК).

Ошибка в развитии причинной связи означает неправильное понимание лицом причинно-следственной зависимости между его деянием и общественно опасными последствиями. Умысел предполагает осознание не всех деталей, а лишь общих закономерностей развития причинной связи.

Ошибка в развитии причинной связи не влияет на форму вины и квалификацию преступления, если наступил тот самый преступный результат, который охватывался намерением виновного. Так, С. была осуждена за убийство своего мужа при следующих обстоятельствах. Во время очередного скандала, учиненного пьяным мужем, С. дважды ударила последнего обухом топора в лоб и убила его. Полагая, что он не убит, С. повесила его. В этом случае С. ошиблась в развитии причинной связи: она полагала, что смерть мужа наступила от удавления, а на самом деле ее причиной были

нанесенные в лоб удары обухом топора. Однако, поскольку смерть наступила именно в результате действий виновной, направленных на причинение этого последствия, деяние С. было обоснованно квалифицировано как умышленное убийство¹.

Иногда ошибка в развитии причинной связи исключает умысел, но обосновывает ответственность за неосторожное причинение общественно опасных последствий, если субъект должен был и мог предвидеть истинное течение причинно-следственного процесса. Например, неопытный водитель резко тормозит при повороте дороги, покрытой щебенкой, в результате чего автомобиль при заносе переворачивается и пассажиры получают телесные повреждения различной тяжести. В данном случае сознанием виновного, не обладающего должным опытом, не охватывается развитие причинной связи и, как следствие этого, не предвидятся общественно опасные последствия, хотя виновный должен был и мог предвидеть действительное развитие событий.

В других случаях ошибка в развитии причинной связи влечет за собой изменение квалификации преступления. Это характерно для тех случаев, когда общественно опасное последствие, охватываемое умыслом виновного, наступает в результате не тех действий, которыми предполагалось причинить это последствие, а иных.

У. и Л. с целью кражи проникли в дом, но обнаружив там престарелого Ю. и стремясь избавиться от свидетеля, нанесли ему два удара ножом в область сердца. Похитив ценные вещи, они подожгли дом, где оставался Ю., которого преступники считали уже мертвым. Но, как оказалось, Ю. был только тяжело ранен и погиб лишь при пожаре. Ошибка У. и Л. относительно причины смерти Ю. породила совокупность двух преступлений против личности: покушение на убийство с целью скрыть другое преступление (ч. 3 ст. 30 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК) и причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК). Квалифицировать это деяние только как убийство с целью скрыть другое преступление неточно, поскольку смерть в результате направленных на это действий не наступила.

¹ См.: Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань. С. 90—91.

Ошибка в обстоятельствах, отягчающих ответственность, может быть двух видов. Во-первых, субъект преступления исходит из ошибочного предположения о наличии отягчающего обстоятельства, когда оно фактически отсутствует. Во-вторых, лицо ошибочно полагает, что совершает деяние без квалифицирующих признаков, тогда как фактически имеют место отягчающие обстоятельства, не охватываемые сознанием виновного.

При первой разновидности ошибки определяющим является отражение в сознании действующего лица отягчающего обстоятельства, а не его фактическое наличие или отсутствие. Поэтому деяние должно квалифицироваться в соответствии с содержанием и направленностью умысла. Однако оно не может квалифицироваться как оконченное, поскольку фактически совершенное преступление не обладает тем квалифицирующим признаком, который повышает опасность деяния. Например, Ш., желая, чтобы Л., с которым она находилась в интимной связи, ушел от жены, однажды заявила ему, что беременна. Опасаясь «неприятностей» дома и на работе, Л. решил совершить убийство. С этой целью он пригласил Ш. за ягодами в лес и там убил. Вскрытие трупа показало, что потерпевшая не была беременной¹. Подобное преступление должно квалифицироваться как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. При квалификации преступлений, совершенных с ошибочным предположением о наличии квалифицирующих обстоятельств, которые фактически отсутствуют, допускается юридическая фикция: фактически оконченное преступление квалифицируется как покушение. Эта фикция оправдана тем, что хотя общественно опасное последствие и наступило, но все же в реальной действительности оно не сопровождалось тем квалифицирующим обстоятельством, которое охватывалось сознанием виновного и которое в соответствии с направленностью умысла обосновывает усиление ответственности.

Вторая разновидность ошибки относительно обстоятельств, отягчающих ответственность, связана с тем, что лицо ошибочно

¹ См.: *Бородин С.В.* Квалификация преступлений против жизни. М., 1977. С. 142—143.

исходит из предположения, будто деяние совершается без обстоятельства, повышающего общественную опасность, т.е. такое обстоятельство, существуя фактически, не охватывается сознанием виновного. Поскольку в подобных случаях для вменения квалифицированного вида преступления нет субъективных оснований, деяние должно квалифицироваться как совершенное без отягчающих обстоятельств. Так, по делу С., осужденного за изнасилование несовершеннолетней, Пленум Верховного Суда СССР указал: «В соответствии с ч. 3 ст. 117 УССР для признания установленным этого квалифицирующего признака преступления необходимо, чтобы виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо мог и должен был это предвидеть».

Из дела видно, что С. было известно, что А. была замужем и недавно прервала беременность. Это обстоятельство подтверждается показаниями потерпевшей на предварительном следствии и в суде. Из дела усматривается также, что внешний вид потерпевшей, ее поведение и другие обстоятельства не свидетельствуют о ее несовершеннолетии»¹.

Рассматриваемый вид фактической ошибки встречается не только в случаях, когда отягчающее обстоятельство имеет значение квалифицирующего признака, но и тогда, когда оно служит признаком, разграничивающим самостоятельные составы преступления. Так, кража и грабеж различаются по способу (тайный или открытый) похищения имущества. Поскольку главным критерием, определяющим квалификацию хищения, является субъективное представление виновного о характере совершаемого деяния, оно должно квалифицироваться в соответствии с направленностью умысла виновного. Так, по делу Ч. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала наличие кражи, а не грабежа на том основании, что «Ч. был убежден, что действует тайно, изымает имущество незаметно как для продавца, так и для других лиц, находившихся в магазине»².

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1971—1979. М., 1981. С. 504.

² Практика прокурорского надзора при рассмотрении судами уголовных дел. М., 1987. С. 181.

Фактическую ошибку следует отличать от случаев так называемого отклонения действия, когда по причинам, не зависящим от воли виновного, вред причиняется другому лицу, а не тому, на кого направлено посягательство.

А., намереваясь лишить жизни Б., стреляет в него из пистолета, но, промахнувшись, попадает в проходящего мимо В. и убивает его. Выстрел, направленный в Б., является покушением на убийство независимо от того, попала ли пуля в В. или в стоящее неподалеку дерево. Но, кроме того, А. совершает еще одно преступление — причинение В. смерти по неосторожности, если он должен был и мог предвидеть возможность его гибели от выстрела. Поэтому случаи отклонения действия образуют совокупность двух преступлений: покушения на преступление, охватываемое умыслом виновного, и неосторожного причинения вреда другому лицу, если, конечно, этот вред охватывается неосторожной виной.

§ 4. Квалификация преступлений по мотиву и цели

Следует иметь в виду, что «в процессе уголовно-правовой квалификации преступления мотив и цель учитываются лишь в умышленных преступлениях... В неосторожных преступлениях мотив и цель не оказывают влияния на квалификацию преступления»¹. Законодатель включает названные признаки субъективной стороны только в состав умышленных преступлений. При этом мотиву и цели могут придаваться различные значения. Во-первых, их наличие иногда рассматривается как необходимое условие наступления уголовной ответственности за деяние, которое без указанных в законе мотива или цели не является преступлением. Во-вторых, мотив и цель могут играть роль признака, по которому один состав преступления отграничивается от другого. И, наконец, в-третьих, мотив и цель могут выполнять функцию квалифицирующего признака, то есть отягчающего обстоятельства, введенного в диспозицию уголовно-правовой нормы и повышающего ответственность².

¹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. С. 116.

² Значение мотивов и целей как обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, здесь не рассматривается как не влияющее на квалификацию преступления.

Первое из перечисленных значений мотива и цели проявляется в тех случаях, когда эти признаки введены в диспозицию уголовно-правовой нормы в качестве конститутивного элемента состава преступления. При этом возможны два юридико-технических способа их введения в состав преступления. Первый способ характеризуется тем, что при описании преступления законодатель прямо указывает на мотив и цель деяния (цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности при диверсии, отказ в приеме женщины на работу по мотиву ее беременности).

Этот способ является более распространенным и более предпочтительным, поскольку не оставляет возможности для разночтений в толковании правовой нормы, но, к сожалению, не единственным. В ряде случаев законодатель прямо не формулирует цели или мотива преступления, но подразумевает их. Так, в ст. 313 УК не названа цель деяния, хотя в теории уголовного права и в судебной практике господствует мнение, что обязательным признаком состава этого преступления является цель уклонения от исполнения наказания или от избранной меры пресечения. Не указан мотив и при законодательном описании хулиганства, хотя в науке и судебной практике единодушно признается, что это деяние квалифицируется как хулиганство только тогда, когда оно совершается по мотивам неуважения к обществу и общественному порядку.

Мотивы и цели преступления всегда конкретны и, как правило, формулируются в диспозициях норм Особенной части УК: цель завладения имуществом, цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение, цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ и т.п.; мотивы корыстные, садистские, хулиганские, кровной мести и т.д. Но иногда законодатель дает обобщенную характеристику мотивов как личной заинтересованности, а двух случаях — как низменных (ст. 153 и 155 УК). В подобных случаях деяние может квалифицироваться по соответствующим статьям УК только тогда, когда точно установлено содержание мотива и обоснован вывод о том, что мотив носит характер личной заинтересованности либо является низменным.

Отсутствие мотива или цели, которые служат необходимой предпосылкой уголовной ответственности, исключает ее в силу от-

сутствия состава преступления. Так, президиум Горьковского областного суда отменил приговор народного суда и прекратил за отсутствием состава преступления уголовное дело в отношении Ж. на том основании, что, будучи начальником сводной автоколонны, направленной в Омскую область на сельскохозяйственные работы, Ж. обменял запасные части к автомашинам на бензин, чтобы не допустить простоя автомашин и обеспечить их отправку в г. Горький после окончания уборочных работ, следовательно, его действия были вызваны необходимостью и Ж. при этом не имел корыстной или иной личной заинтересованности, что является обязательным признаком состава должностного злоупотребления¹.

Другим примером ошибочного определения юридической сущности совершенного деяния из-за неверной оценки мотива может служить дело Т., осужденного за оказание сопротивления работникам милиции. Рассмотрев дело в порядке надзора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР установила следующее.

После ссоры между Т. и К., проживающими в одной квартире, последняя позвонила в милицию по поводу нанесения ей побоев. В момент прибытия работников милиции по вызову в квартире ни драки, ни шума не было и жильцы квартиры готовились ко сну. При таких обстоятельствах работники милиции не имели никаких оснований предлагать Т. и другим гражданам пройти с ними в отдел внутренних дел, тем более что их никто не просил о задержании Т. и доставлении в милицию. Поэтому действия работников милиции С. и К.-ва, пытавшихся силой вывести Т. из квартиры и применивших к нему болевой прием, были противозаконны. Следовательно, Т., ударивший С. после применения к нему болевого приема, действовал под воздействием неправомерного причинения ему боли, а вовсе не по мотивам противодействия законным действиям работников. Отсутствие данного мотива означает отсутствие состава указанного преступления и исключает уголовную ответственность Т.².

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 12. С. 10—11.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 9. С. 5.

Надлежащая оценка мотива и цели необходима для правильной квалификации и в тех случаях, когда законодатель с их помощью конструирует *специальные составы преступлений*, сходные с другими по объективным признакам.

Ставропольским краевым судом А-ва была осуждена по ст. 103 УК РСФСР за убийство своего мужа на почве личных неприязненных взаимоотношений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР изменила приговор по следующим основаниям.

В день происшествия между супругами произошла ссора, инициатором которой, как и в других случаях, был А-в. Он нанес жене побои, повлекшие кровоподтеки лица, туловища и ног; А-ва вынуждена была убежать на улицу. Когда она возвратилась, А-в снова стал ссориться с женой, а затем высказался грубо-цинично в адрес внука, после чего А-ва схватила стоявшее рядом ведро и, «не помня себя» (по ее выражению), стала им бить по голове сидевшего на крыльце мужа, причинив ему смертельные травмы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что мотивом убийства были не личные неприязненные отношения между подсудимой с потерпевшим, а неправильные действия потерпевшего, вызвавшие внезапно возникшее сильное душевное волнение подсудимой. Поэтому действия А-вой были переквалифицированы со ст. 103 на ст. 104 УК РСФСР (ст. 107 УК РФ)¹.

Ошибочная оценка цели преступного деяния привела к неправильной квалификации и по делу В., осужденного за разбой с причинением тяжкого вреда здоровью. При рассмотрении этого дела в порядке надзора было установлено, что пьяный В. избил своего отца К. в процессе ссоры с потерпевшим, возникшей ввиду сложившихся между ними личных неприязненных отношений, в результате чего К. был причинен тяжкий вред здоровью. Похищение денег в сумме 70 руб. у потерпевшего последовало через некоторое время после избиения и не было с ним связано. Поэтому совершенное В. деяние не содержит состава разбойного нападения,

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 10. С. 3—4.

а образует совокупность умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК) и кражи (ч. 1 ст. 158 УК) ¹.

Наиболее распространенными в судебной практике ошибками являются неосновательное вменение составов преступления с квалифицирующими признаками либо, наоборот, вменение составов преступления без таких признаков при их фактическом наличии в случаях, когда роль квалифицирующих признаков играют мотив и цель деяния.

О. был осужден по п. «б» ст. 102 УК РСФСР (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ) за то, что, как сказано в приговоре, беспричинно из хулиганских побуждений совершил убийство Н. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР при рассмотрении дела в порядке кассации установила следующее.

Находясь в квартире потерпевшего и распивая вместе с ним и другими лицами спиртные напитки, во время возникшей ссоры и в связи с нанесением оскорбления со стороны Н., назвавшего О. «козлом», последний ударом ножа в грудь убил хозяина квартиры. При таких обстоятельствах у суда не было оснований признавать убийство «беспричинным» и совершенным из хулиганских побуждений, поскольку фактически преступление было совершено по конкретным мотивам, носящим личный характер и не имеющим значения квалифицирующего признака. Поэтому приговор был изменен и действия О. были квалифицированы как убийство без отягчающих обстоятельств по ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ) ².

Аналогичная ошибка была допущена судом по делу Д., осужденного за нанесение угрозы убийством своей бывшей жене Д-ой и за покушение на ее убийство из хулиганских побуждений. Как установлено по делу, брак между супругами был прекращен в 1981 г. в связи с систематическим пьянством Д., после чего последний стал проживать у своей матери. Начиная с мая 1985 г., Д. стал принуждать бывшую жену к возобновлению семейных отношений. Несколько раз она соглашалась, но вскоре опять уходила, так как Д. продолжал пьянствовать. Желая принудить бывшую жену вер-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 1. С. 14.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 12. С. 10—11.

нуться, Д. дважды угрожал ей убийством, а 4 ноября 1985 г. с целью убийства пришел в подъезд дома, где она жила. Дождавшись, когда Д-ва вышла из квартиры, подсудимый с целью убийства нанес ей три удара ножом в живот, голову и руку, причинив тяжкие телесные повреждения. Преступление не было доведено до конца, так как Д. убежал, испугавшись, что на крик потерпевшей прибегут соседи и задержат его.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР квалификация покушения на убийство как совершенного из хулиганских побуждений была признана неправильной. Обосновывая свою квалификацию, суд первой инстанции сослался в приговоре на то, что преступление было совершено из-за желания принудить женщину к сожителству, т.е. по причине явного пренебрежения нормами морали и из хулиганских побуждений. Однако довод суда является неосновательным, поскольку Д. «покушался на убийство не из хулиганских побуждений, как это ошибочно признал суд, а в связи с личными неприязненными отношениями»¹. На этом основании преступление в части покушения на убийство было переклассифицировано на ст. 15 и ст. 103 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и ч 1 ст. 105 УК РФ).

Без должной оценки цели и мотива преступления квалифицировано деяние З., который был осужден Верховным судом Татарской АССР по ч. 4 ст. 117 и п. «е» ст. 102 УК РСФСР за умышленное убийство Г., сопряженное с ее изнасилованием.

З., будучи в нетрезвом состоянии, проник в дом Г., которая в сильной степени алкогольного опьянения спала на полу. Воспользовавшись этим, он ее изнасиловал, а затем ударом кухонного ножа в грудь убил. Мотивом убийства, как признал установленным суд, явилось то обстоятельство, что в июне 1984 г. по заявлению дочери потерпевшей З. был привлечен к административной ответственности за мелкое хулиганство. Однако под убийством, сопряженным с изнасилованием, следует понимать убийство в процессе изнасилования или с целью скрыть его, а также убийство, совершенное по мотивам мести за оказанное при изнасиловании сопро-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 4. С. 8.

тивление¹. Между тем в процессе изнасилования Г. находилась в тяжелой степени алкогольного опьянения и из-за этого не была способна осмысленно реагировать на окружающее либо оказать сопротивление. З. совершил убийство не с целью сокрытия изнасилования и не по мотивам мести за оказанное сопротивление, а из-за недовольства действиями дочери потерпевшей, по заявлению которой он был привлечен к административной ответственности. При таких обстоятельствах содеянное З. надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 117 (ч. 1 ст. 131 УК РФ) и ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ)².

Одним из самых распространенных мотивов, который в действующем УК выполняет функцию как обязательного, так и квалифицирующего признака, является корыстный мотив. К сожалению, законодатель для его обозначения прибегает к различным терминам: в одних нормах говорится о корыстном мотиве, в других — о корыстных побуждениях, в третьих — о корыстной заинтересованности. Вполне обоснованным представляется предложение во всех подобных случаях использовать термин «мотив»³. Правильное его применение для квалификации преступлений должно опираться на разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в соответствии с которым корыстный мотив означает стремление получить материальную выгоду для себя или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавиться от материальных затрат (возврат имущества, оплата услуг, выполнение имущественных обязательств, уплата алиментов и др.)⁴.

Для правильной квалификации преступлений по мотиву и цели, имеющим значение квалифицирующих признаков, важно решить вопрос о так называемой «конкуренции» мотивов и целей.

В судебной практике встречались дела, в которых убийство квалифицировалось как совершенное из хулиганских побуждений и

¹ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов... С. 536.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 12. С. 3.

³ См.: *Степанищев А.В.* Проблемы правового регулирования конфискации имущества. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15.

⁴ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов... С. 535.

по мотивам мести потерпевшему в связи с выполнением им своего служебного или общественного долга. Правомерность такой квалификации оспаривается многими учеными. Так, Б.С. Волков пишет: «Человек не может положить в основу своего поведения сразу несколько разных по содержанию и значению мотивов. Намерение совершить преступление обычно связывается с каким-либо одним мотивом, который и является главным, основным мотивом преступной деятельности. Всегда «перевешивает» тот мотив, в пользу которого избран волевой акт и который положен в основу решения. Другие же побуждения хотя и действуют, так сказать, в унисон, изменяют или усиливают значение общей решимости совершить преступление, но в совершенном деянии играют подчиненную, второстепенную роль»¹. Автор приходит к выводу, что «одно и то же убийство по мотиву его совершения не может быть квалифицировано одновременно по двум и более пунктам» статьи УК об убийстве при отягчающих обстоятельствах², хотя в принципе такая квалификация не исключается, если наряду с мотивом роль квалифицирующего играет еще какой-нибудь признак, характеризующий объект (например, беременность потерпевшей), объективную сторону (общеопасный способ) либо субъекта (неоднократность) данного преступления.

Некоторые ученые, допуская квалификацию убийства как совершенного одновременно и из хулиганских побуждений и в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга³, своей позиции по существу не аргументируют. Высказывалась и такая точка зрения, что квалифицирующие мотивы могут сочетаться, но только в том случае, если это мотивы одного рода. Так, С.А. Тарарухин допускает сочетание хулиганских побуждений с побуждениями, обусловленными выполнением потерпевшим обязанностей по охране общественного порядка. По его мнению, это возможно в двух случаях: во-первых, при перерастании хулиганства в посягательство на жизнь

¹ Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 29.

² Там же.

³ См.: Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 75.

работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка; во-вторых, если хулиганские действия непосредственно направлены против указанных лиц в связи с указанной деятельностью¹. Однако ни в одном из приведенных случаев «конкуренция» мотивов по существу не усматривается, так как в первом случае явно речь идет о реальной совокупности двух самостоятельных преступлений с различными мотивами, а во втором — об одном преступлении (посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника), в котором хулиганские побуждения не оказывают никакого влияния на квалификацию.

Более правильной представляется позиция тех ученых, которые полагают, что даже при наличии конкурирующих побуждений определяющее влияние оказывает лишь одно из них, поэтому они отрицают возможность квалификации преступления одновременно по двум мотивам, каждый из которых выполняет функцию квалифицирующего признака. Теоретически эта позиция не обоснована. Напротив, квалификация определяется тем мотивом, в пользу которого избран волевой акт и принято решение². Именно такое решение данной проблемы нашло свое закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: «По смыслу закона квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ»³.

¹ См.: *Тарарухин С.А.* Установление мотива и квалификация преступлений. Киев. 1997. С. 116—117.

² См.: *Наумов А.В.* Мотивы убийства. Волгоград, 1969. С. 75; *Бородин С.В.* Квалификация преступлений против жизни. С. 80—81.

³ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов... С. 536.

§ 5. Субъективная сторона и квалификация неоконченного преступления

Как русскими ¹, так и советскими ² юристами высказывалась мысль о том, что покушение на преступление возможно не только с прямым, но и косвенным умыслом. Однако эта мысль не получила признания, и в настоящее время ученые считают, что предварительная преступная деятельность (покушение на преступление и приготовление к преступлению) возможна только с прямым умыслом. Судебная практика придерживается этой же точки зрения. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих постановлений, «покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствует о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам»³. Хотя приведенное положение высказано Пленумом Верховного Суда РФ в связи с делами об убийстве, оно распространяется на любые категории дел о преступлениях, имеющих материальный состав. Такое решение вопроса является единственно правильным. Если лицо, действуя с прямым умыслом, не доводит преступление до конца по причинам, не зависящим от его воли, то для его привлечения к ответственности за не наступившие последствия имеются и объективные, и субъективные основания. Объективным основанием в этом случае служат общественно опасные действия виновного, которые либо создают необходимые условия для совершения преступления (приготовление), либо представляют собой начало непосредственного осуществления преступления

¹ См.: *Пзнышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. М., 1812. С. 359.

² См.: Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий / Под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1925. С. 33; *Лившиц В.К.* К вопросу о понятии эвентуального умысла // Советское государство и право. 1947. № 7. С. 43; *Горелик И.И.* Понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья // Вопросы уголовного права и процесса. Вып. 2. Минск, 1960. С. 75; *Дагель П.С.* О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности // Вопросы государства и права. Л., 1964. С. 189.

³ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов... С. 532.

(покушение). Субъективное основание заключается в наличии реализованного в общественно опасных действиях намерения причинить такие последствия. При отсутствии же прямого умысла нет ни причинения вреда объекту, ни целенаправленных действий, посягающих на этот объект, как нет и стремления причинить этому объекту ущерб. Следовательно, при косвенном умысле отсутствуют как объективные, так и субъективные основания для вменения лицу посягательства на фактически не пострадавший объект. При косвенном умысле юридически обоснована ответственность только за реально наступившие общественно опасные последствия. Из этого следует важное положение относительно квалификации преступлений: если не установлен прямой умысел на причинение предусмотренных уголовно-правовой нормой общественно опасных последствий, то деяние не может квалифицироваться как покушение на данное преступление.

Общее правило о квалификации неоконченного преступления заключается в том, что она должна отражать ту стадию, на которой преступление было прервано. Это может быть обеспечено только путем ссылки не просто на ст. 30 УК, как это следует из буквы ч. 3 ст. 29 УК, но на конкретную часть ст.30 УК. На этой позиции стоит и судебная практика. Так, по делу С. дело было направлено на дополнительное расследование, поскольку при квалификации преступного деяния органы следствия не указали соответствующей части ст. 30 УК¹. Необходимость указания на нее при квалификации преступления приобрела особую важность при применении норм действующего УК, который установил ограниченную наказуемость приготовления и существенно снизил рамки наказания за приготовление к преступлению по сравнению с покушением на него.

Квалификация неоконченных преступлений, имеющих простой состав, на практике не вызывает особых трудностей: при наличии прямого умысла на совершение конкретного преступления ответственность наступает не за фактически совершенные действия, а в соответствии с направленностью умысла за действия, охва-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 10. С. 9.

тываемые намерением виновного (в преступлениях с формальным составом), либо за последствия, причинить которые входило в планы субъекта. Однако квалификация неоконченных преступлений с отягчающими обстоятельствами связана с решением ряда проблем, касающихся субъективной стороны преступления.

Одной из таких проблем является обоснование вменения квалифицирующих признаков, *относящихся к объекту* посягательства (например, несовершеннолетие или малолетие потерпевшей при изнасиловании либо беременность потерпевшей при убийстве). Общим решением данной проблемы должна быть квалификация преступления в соответствии с направленностью умысла виновного. Если его сознанием охватывается квалифицирующее обстоятельство, предусмотренное законом, то ответственность должна наступать за покушение на преступление с этим отягчающим обстоятельством. И наоборот, если обстоятельство, отягчающее наказание, не охватывалось умыслом виновного, его деяние следует квалифицировать как преступление без квалифицирующего признака.

В этом плане представляется сомнительной позиция президиума Челябинского областного суда по делу Л. Последний был осужден по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР (п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ). Придя в нетрезвом состоянии в квартиру В., он с целью совершения с нею полового акта стал приставать к ней, душил и угрожал убийством, а когда потерпевшая пыталась убежать, отталкивал ее от входной двери. На крики пришла соседка, поэтому Л. не смог осуществить свой замысел. Квалификацию по ч. 3 ст. 117 УК народный суд обосновал тем, что потерпевшая, «оказывая сопротивление, сказала Лукиных, что ей 17 лет, следовательно, умыслом виновного охватывалось изнасилование именно несовершеннолетней. Изменяя приговор, президиум областного суда признал, что потерпевшая действительно намеренно скрыла от Л. свой настоящий возраст, полагая, что осужденный прекратит свои преступные действия, узнав о ее несовершеннолетии. «Однако, — указал президиум, — эти обстоятельства никак не влияют на то, что фактически осужденным было совершено преступление в отношении совершеннолетней», поэтому «его действия

следует квалифицировать по ст. 15 и ч. 2 ст. 117 УК РСФСР»¹ (п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ).

Представляется, что вывод суда противоречит принципу субъективного вменения, в соответствии с которым квалификация преступлений определяется содержанием и направленностью умысла виновных. Поэтому более обоснованной является оценка описанного преступления, данная в приговоре народного суда.

В соответствии с направленностью умысла должны вменяться и квалифицирующие признаки, *относящиеся к объективной стороне* преступления. Одним из них может служить размер причиненного вреда. Если при неоконченном преступлении общественно опасные последствия, охватываемые умыслом виновного, не наступили, то деяние квалифицируется как покушение (либо приготовление) на причинение именно тех последствий, которые охватывались умыслом виновного. Так, Л. был обоснованно осужден за покушение на хищение государственного имущества в особо крупных размерах.

Присутствуя в бухгалтерии совхоза «Белоусовский» во время выдачи зарплаты, Л. видел содержимое сейфа и знал, что заработная плата выдана не всем отделениям совхоза, поэтому примерно половину поступившей из банка суммы в 48 тыс. руб. кассир совхоза П. оставила на ночь в сейфе. Решив совершить кражу совхозных денег в особо крупных размерах, Л. разбил стекло в окне бухгалтерии, проник туда и с помощью гвоздодера в течение часа пытался взломать замок сейфа. Однако ему удалось только отогнуть левый угол верхней части двери сейфа. Поняв, что открыть его не удастся, он скрылся с места преступления, не доведя свой замысел до конца по причинам, не зависящим от его воли. Л. был осужден по ст. 15 и ст. 931 УК РСФСР за покушение на хищение в особо крупных размерах в полном соответствии с направленностью умысла, а доводы адвоката о добровольном отказе от доведения преступления до конца со стороны подсудимого были отвергнуты².

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 2. С. 15.

² См.: Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1981—1988. М., 1989. С. 131—132.

Аналогичным должен быть подход к квалификации преступлений, в которых квалифицирующее значение по закону придается крупному или особо крупному размеру преступного дохода.

Однако следует различать преступления, в которых крупный размер преступного дохода составляет *цель деяния* (п. «б» ч. 3 ст. 162, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК), и преступления, при описании которых в законе крупный (особо крупный) размер преступного дохода включен в число признаков объективной стороны. В первом случае деяние является оконченным преступлением независимо от того, была ли достигнута указанная цель. А во втором случае квалификация преступления как оконченного предполагает, что доход в крупном (особо крупном) размере был *реально получен* как результат преступного деяния. Если деяние было пресечено и планируемый доход реально не был получен либо не является крупным (особо крупным), то квалификация определяется направленностью умысла и должна осуществляться с учетом квалифицирующего признака, даже если фактически совершенные действия содержат состав оконченного преступления без рассматриваемогоотягчающего обстоятельства. С одной стороны, в последнем случае налицо все признаки состава оконченного преступления, но с другой стороны, квалифицирующее обстоятельство, охватываемое умыслом виновного, фактически отсутствует. Поскольку это квалифицирующее обстоятельство оказывает решающее влияние на степень общественной опасности преступления, деяние должно квалифицироваться как покушение на преступление с этим квалифицирующим признаком. Например, если сумма вложенных средств и размах предпринимательской деятельности явно свидетельствуют о намерении извлечь сверхдоходы, которые в законе определены как особо крупный размер, деяние должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 171 УК как покушение на незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, и в случае, когда доход еще вообще не получен, и в случае, когда полученный доход уже является крупным, но еще не достиг особо крупного размера.

В российской науке уголовного права нет единства мнений о том, как следует квалифицировать разбойное нападение, если

умыслом виновного охватывалось определенное квалифицирующее обстоятельство, которое на самом деле отсутствует. Преобладает мнение, что такие деяния следует квалифицировать как оконченный разбой при отягчающих обстоятельствах, поскольку специфическая конструкция состава этого преступления исключает стадию покушения на разбой, ибо он признается оконченным преступлением уже с самого первого акта, образующего нападение. Но есть и другая точка зрения. Так, Г.А. Кригер писал: «Возможны случаи, когда преступник, совершая разбойное нападение и имея прямой умысел на причинение тяжких телесных повреждений, практически причиняет менее опасные повреждения. Действия виновного в таких случаях следует квалифицировать как покушение на разбой, совершенных при отягчающих обстоятельствах»¹. Подобную же позицию занимает и Л.Д. Гаухман, по мнению которого «покушение на причинение тяжкого телесного повреждения, осуществленное при разбойном нападении, когда желаемые преступником последствия не наступили, представляет покушение на разбой при отягчающих обстоятельствах и должно квалифицироваться по ст. 15 и п. «в» ч. 2 ст. 91 или п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР»².

Точки зрения названных ученых и их сторонников представляются логически обоснованными. Ведь усиление ответственности за разбой связано именно с реальным наступлением последствий в виде тяжкого вреда здоровью, поэтому их фактическое отсутствие исключает квалификацию разбоя как связанного с причинением такого вреда. Однако нельзя квалифицировать деяние и без учета того, что субъект намеревался причинить тяжкий вред здоровью, т.е. данное квалифицирующее обстоятельство охватывалось его умыслом. В такой ситуации имеется состав оконченного преступления, но без отягчающих обстоятельств (если, разумеется, отсутствуют другие квалифицирующие признаки). Что касается состава квалифицированного разбоя по признаку наступления последствий в виде тяжкого вреда здоровью, то он, как состав именно оконченного преступления, отсутствует. Следовательно, такое деяние

¹ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1971. С. 154.

² Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 92.

должно квалифицироваться как покушение на разбой, сопряженный с причинением тяжкого вреда здоровью.

Аналогичным должен быть подход к квалификации разбойного нападения с применением оружия, не обладающего поражающими свойствами, о чем не было известно субъекту преступления. Такое деяние неправильно было бы квалифицировать как разбой без отягчающих обстоятельств, поскольку субъективно лицо совершало преступление повышенной общественной опасности. Но нельзя квалифицировать его и как оконченное преступление при отягчающих обстоятельствах, раз применяемые предметы объективно заведомо не могли причинить людям вреда (если, конечно, виновный не собирался использовать их для нанесения ударов). Следовательно, такое разбойное нападение нужно рассматривать как покушение на разбой с применением оружия, т.е. по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 162 УК.

Тщательное исследование содержания и направленности умысла, а также мотивов и целей виновного необходимо для точного ограничения покушения на одно преступление от оконченного посягательства на другой объект. В судебной практике встречаются случаи ошибочной квалификации преступления как умышленного убийства, хотя умысел виновного на лишение жизни не установлен.

Х. был осужден за покушение на убийство С., которому он во время ссоры и в ответ на два удара рукой по лицу нанес удар ножом в левую половину грудной клетки, причинив проникающее ранение с повреждением левого легкого и сердечной сумки. В постановлении по этому делу Пленум Верховного Суда СССР указал, что по обстоятельствам дела можно заключить, что Х. не желал лишать жизни С., с которым был в дружеских отношениях, поэтому его умысел был направлен не на убийство, а на причинение тяжких телесных повреждений¹.

Не единичны случаи квалификации преступлений как покушения на убийство, тогда как на самом деле деяние содержит признаки особо злостного хулиганства.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 1. С. 30—32.

За покушение на убийство был осужден В., который, будучи в нетрезвом состоянии, произвел, как указано в приговоре, выстрел из охотничьего ружья 16-го калибра в окно дома К. с целью лишения жизни последнего. Между тем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР установила, что В. стрелял с близкого расстояния и хорошо видел потерпевшего, находившегося в освещенной комнате, но тем не менее не получившего никаких ранений. По словам подсудимого, он хотел просто попутать К., с которым у него сложились неприязненные отношения, но убивать его не хотел. При таких обстоятельствах содеянное В. следует квалифицировать как особо злостное хулиганство, а не как покушение на убийство ¹.

Иногда суды квалифицируют как преступления против личной собственности деяния, совершенные без цели присвоения чужого имущества. М. был осужден за злостное хулиганство и попытку открыто завладеть личным имуществом граждан. Вечером пьяный М. из хулиганских побуждений нанес удары по голове незнакомым ему В. и А.. Несколько позже он беспричинно толкнул Г., отчего она упала, а затем ударил палкой по голове Х. Через некоторое время он подошел на улице к С. и потребовал у нее деньги. Получив отказ, он замахнулся на нее каким-то предметом, затем сбил на землю и нанес несколько ударов ногами.

Как видно из показаний свидетелей и обстоятельств дела, М. никаких конкретных действий по завладению имуществом С. не предпринимал, а когда с головы Т. упала на землю меховая шапка, М. ее поднял и возвратил владелице. Это свидетельствует об отсутствии корыстных мотивов в действиях М. и указывает на то, что он действовал из хулиганских побуждений. Следовательно, все действия М. должны квалифицировать как хулиганство и не содержат признаков посягательства на личную собственность ².

¹ См.: Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. С. 157—158. Аналогичные ошибки были допущены по другим делам (См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. С. 679—680; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1968. № 4. С. 7).

² См.: Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. С. 291—293.

Иногда правоохранительные органы квалифицируют как изнасилование деяния, связанные с применением насилия, которое не служило средством подавления сопротивления потерпевшей с целью совершения с нею полового акта. Так, П. был предан суду по обвинению в покушении на изнасилование. Ему было предъявлено обвинение в том, что, находясь в нетрезвом состоянии, он в городском парке на сопке Никольской пытался изнасиловать Н., причинив ей при этом средней тяжести вред здоровью. При рассмотрении дела в суде было установлено следующее. В ресторане «Океан» он подсел к столику, за которым сидела Н. с подружкой, и стал ухаживать за Н., о которой знал, что она женщина легкого поведения. После ухода из ресторана он пригласил Н. на сопку Никольскую и там намеревался вступить с нею в половое сношение. При этом он действительно домогался ее согласия, а когда не получил его, стал возмущаться тем, что Н. кокетничала с ним, согласилась на то, чтобы он оплатил ее счет в ресторане, а затем вместе с ним пошла в безлюдное место на сопке. Но и после этого Н. не согласилась на половой акт с П., и тогда последний нанес Н. несколько ударов по лицу и животу, причинив ей телесные повреждения, повлекшие расстройство здоровья свыше трех недель. После применения насилия П. не предпринимал никаких мер для достижения своего первоначального намерения. Следовательно, совершенные им в отношении Н. насильственные действия не имели целью совершения полового акта против воли потерпевшей и не могут рассматриваться как покушение на изнасилование. Поэтому народный суд г. Петропавловска-Камчатского переqualificировал действия П. по ч. 1 ст. 109 УК РСФСР как умышленное причинение менее тяжких телесных повреждений¹ (ч. 1 ст. 112 УК РФ).

§ 6. Субъективная сторона и квалификация действий соучастников преступления

Соучастие в преступлении представляет собой одну из наиболее важных и сложных проблем уголовного права. Существенным аспектом данной проблемы является исследование субъективного содержания деятельности соучастников, пределов вменения в за-

¹ См.: Архив Камчатского городского суда за 1972 г. Дело № 1—126.

висимости от объема вины и вопросов квалификации по субъективной стороне.

До принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в легальном определении соучастия вообще не указывалось на форму вины, что оставляло место для дискуссий о возможности соучастия по неосторожности. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года подчеркивался умышленный характер совместного участия в преступлении, но не определялась форма вины, с которой это преступление совершается, что не исключило споров о возможности умышленного соучастия в неосторожном преступлении. Действующее уголовное законодательство определяет соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Это определение исключает постановку вопроса о возможности соучастия по неосторожности, поэтому наука уголовного права признает соучастие именно умышленной деятельностью, но о видах умысла при соучастии учеными высказываются различные мнения. Многие из них допускают возможность соучастия в преступлении с обоими видами умысла¹, но в последние годы более широкое распространение получает мнение о том, что при соучастии возможен только прямой умысел². Отдельные ученые занимают в этом вопросе недостаточно последовательную позицию. Так, Ф.Г. Бурчак пишет: «Вопрос о характере умышленной вины исполнителя преступления, совершаемого в соучастии, и о характере умысла подстрекателя и пособника нужно решать, исходя из общего понимания ин-

¹ См.; например: Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 11; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 33, 40—41; Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 556; Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 42—47; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога (автор главы — В.С. Комиссаров). М., 2001. С. 259.

² См., например: Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия // Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 3. Свердловск, 1960. С. 279—280; Пинчук В.А. Виды преступных организаций и ответственность участников по советскому уголовному праву. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1966. С. 8—10; Загородников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1975. С. 127; Левицкий Г.А. Квалификация преступлений. М., 1981. С. 42; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Наумова. М., 1996. С. 116; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога (автор главы — Л.Д. Ермакова). М., 2001. С. 241—242.

ститута соучастия. Выше уже подчеркивалось, что соучастников объединяет общность цели, их намерений. Такая общность возможна только в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом. Из этого следует, что и соучастие возможно только в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом»¹. Приведенное рассуждение по существу не вызывает возражений, хотя из правильной исходной посылки о том, что содержание умысла соучастников обязательно должно отражать сущность самого института соучастия, автор не сделал логически последовательного шага к конструированию формулы умысла применительно к соучастию, т.е. формулы, в которой отражалась бы специфическая сущность данного института. А не сделав этого шага, Ф.Г. Бурчак вступил в противоречие со своей исходной посылкой, допустив возможность подстрекательства с косвенным умыслом в отдельных, сравнительно редких случаях, когда «подстрекатель видит свой интерес только в том, чтобы исполнитель совершил общественно опасное деяние, к общественно же опасным последствиям он относится безразлично»².

Общей ошибкой ученых, полагающих, что соучастие возможно и с косвенным умыслом, является то, что они механически используют законодательную формулу умысла для раскрытия содержания вины при соучастии, не учитывая качественной специфики соучастия как особой формы преступной деятельности. Так, П.Ф. Тельнов писал: «Интеллектуальные элементы умысла соучастника включают: а) сознание общественной опасности собственного деяния; б) сознание общественно опасного характера деяния других соучастников (минимум еще одного); в) предвидение наступления совместного преступного результата. Волевой элемент его умысла образует желание совместного достижения преступного результата или сознательное допущение его наступления»³. Основным недостатком этой конструкции заключается в том, что она не отражает психического отношения (интеллектуального — почти, а волевого — совершенно) к главному признаку соучастия, выражающему специфическую особенность этого института, а именно: к факту

¹ Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 120.

² Там же. С. 123.

³ Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 42—43.

объединения нескольких лиц для совместного совершения одного и того же преступления. Кроме того, она оставляет вне поля зрения соучастие в преступлениях с формальным составом, составляющих преобладающее большинство. Некоторые сторонники допущения косвенного умысла при соучастии исходят из того, что вид умысла соучастника определяется его психическим отношением не к общественно опасным последствиям, а к преступным действиям исполнителя, которые, по их мнению, могут быть либо желаемыми, либо сознательно допускаемыми¹. Но и эта точка зрения не ставит в центр психического отношения соучастника главную особенность института соучастия — совместность преступных действий соучастников.

Определяющая особенность состава соучастия в преступлении заключается в том, что к преступной деятельности исполнителя присоединяется деятельность иных соучастников, которая в силу этого тоже приобретает преступный характер. Поэтому «разграничение прямого и косвенного умысла по волевому отношению к преступному результату не может быть признано существенным для решения вопроса об ответственности за соучастие»². Вид умысла соучастника должен определяться волевым отношением к факту *объединения преступных действий*, т.е. к факту, выражающему юридическую сущность соучастия. Присоединиться к сообще совершаемому преступлению возможно только по собственному желанию. «Субъект, сознавая, что его действия вызывают в другом лице решимость совершить преступление, или укрепляют эту решимость, или содействуют ее проявлению вовне, действует так, а не иначе только потому, что он хочет так действовать. Как бы субъект внутренне отрицательно ни относился к деятельности исполнителя, сознательно содействуя преступлению, он желает этого содействия»³.

Итак, вид умысла при соучастии определяется волевым отношением не к последствиям преступления, а к *факту совместности*

¹ См.: *Сергеев В.В.* Косвенный умысел при соучастии // Вестник МГУ. Серия Право. М., 1971. С. 65—67.

² *Злобин Г.А., Никифоров Б.С.* Умысел и его формы. М., 1972. С. 88.

³ *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия // Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 3. Свердловск, 1960. С. 277.

совершения преступления, и может проявляться только в желании, т.е. свидетельствовать о прямом, а не косвенном умысле. Его интеллектуальный элемент включает: 1) осознание общественно опасного характера своих действий или своего бездействия; 2) осознание способа содействия преступлению или способа воздействия на исполнителя (т.е. факта и характера участия в преступлении совместно с другими лицами); 3) осознание общественной опасности и характера совершаемого исполнителем преступления (что включает и предвидение общественно опасных последствий в преступлениях с материальным составом). Волевой элемент умысла соучастников может заключаться только в желании именно избранным способом принять участие в совместном совершении данного преступления.

К числу важных аспектов проблемы соучастия относится вопрос о пределах вменения каждому из соучастников юридически значимых обстоятельств совместно совершенного преступления. Ключевым для решения этой проблемы является понятие объема вины, т.е. совокупности психических отношений ко всем юридически значимым объективным свойствам совершенного общественно опасного деяния. Каждому отдельному соучастнику могут быть поставлены в вину лишь те юридически существенные обстоятельства, которые охватывались его сознанием. Из этих обстоятельств первостепенное значение принадлежит самому факту совместности преступных действий. О соучастии речь может идти только в тех случаях, когда каждый из участников преступления осведомлен о том, что преступление совершается им не в одиночку, а сообща с другими лицами. Однако некоторыми учеными данное требование рассматривается как обязательное не для всех соучастников. Так, по мнению Ф.Г. Бурчака, Б.А. Куринова, Г.А. Кригера, В.С. Комиссарова¹ и некоторых других, требование взаимной осведомленности о преступной деятельности других лиц, участвующих в совершении преступления, является обяза-

¹ См.: Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 42—45; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. С. 147—149; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1958. С. 44—46; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога (автор главы — В.С. Комиссаров). М. 2001. С. 258—259.

тельным только при соисполнительстве. При других же формах соучастия достаточно того, «что подстрекатель и пособник знали о преступлении, которое готовился совершить исполнитель, и сознательно подстрекали или способствовали его совершению. Что же касается требования осведомленности исполнителя о деятельности подстрекателя, пособника и организатора, то такое условие не вытекает из юридической природы института соучастия»¹. Исходя из достаточности односторонней субъективной связи между соучастниками, сторонники этого мнения допускают возможность «замаскированного», «тайного» подстрекательства или пособничества, о котором «исполнитель» даже не подозревает.

Представляется, что соучастие с односторонней субъективной связью вряд ли возможно. Из законодательного определения видно, что соучастием признается только умышленная совместная деятельность, т.е. деятельность согласованная. При отсутствии согласованности такая деятельность не является совместной, «законодательная характеристика субъективной стороны соучастия не позволяет относить к этой форме преступной деятельности случаи, когда виновные фактически взаимодействуют при совершении преступления, но не сознают этого взаимодействия»². Такие деяния нужно расценивать как преступления, совершенные раздельно. «Действия лица, присоединяющегося к исполнителю без его ведома, означают по сути умышленное создание условий преступления, то есть приготовление к преступлению»³.

Обязательность взаимной осведомленности о преступной деятельности других соучастников подчеркивалась и Верховным Судом СССР. Так, в постановлении Пленума этого суда по делу Т. и других было указано, что «обвинение в соучастии признается обоснованным в том случае, если установлено, что обвиняемый, объективно способствовавший совершению преступления, имел с непосредственным исполнителем единые намерения, общие цели и

¹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. С. 148.

² Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 50. См. также: Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 11; Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Свердловск. 1960. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Свердловск, 1979. С. 71.

³ Тельнов П.Ф. Там же. С. 52.

взаимную (выделено мною. — А. Р.) осведомленность о преступной деятельности»¹.

Одним из важных обстоятельств, осведомленность о которых входит в содержание умысла соучастников, является характер совместно совершаемого преступления. «Для решения вопроса об уголовно-правовой квалификации действий соучастника необходимо установить, что лицо знало не только о факте совершения преступления, но и о ряде его важнейших особенностей. В общей форме можно сказать, что это такие обстоятельства совершения преступления, которые составляют признаки состава преступления. Иными словами, все, что вменяется в вину соучастнику, должно было охватываться его умыслом»². Соучастие — это специфическая форма преступной деятельности, которая характеризуется определенной направленностью на совершение конкретного преступления. Как подчеркнула Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении по конкретному делу, «подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился возбудить у другого лица намерение или укрепить в нем решимость совершить не какое-либо вообще противоправное деяние, а конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя»³.

Обстоятельства, осознание которых необходимо для наличия соучастия, могут относиться к различным элементам состава преступления. В этой связи представляет практический интерес вопрос об осознании дополнительных признаков (помимо вменяемости и достижения необходимого минимального возраста), характеризующих субъекта преступления, т.е. вопрос о соучастии в преступлениях со специальным исполнителем.

В литературе была высказана точка зрения, что «особенности субъекта преступления, которые выделены в законе в качестве основных или квалифицирующих признаков состава преступления, подлежат вменению остальным соучастникам, если эти обстоятельства охватывались их умыслом»⁴. Это мнение было подвергну-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 4. С. 13—14.

² Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. С. 153—154.

³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 5. С. 43.

⁴ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. С. 156—157.

то серьезной критике. По мнению В.С. Прохорова, «не могут вменяться в вину соучастникам субъективные обстоятельства, имеющиеся на стороне исполнителя, если они носят строго личный характер: повторность, совершение преступления более двух раз, систематичность и особо опасный рецидив. Эти обстоятельства характеризуют степень общественной опасности личности исполнителя, а не совершенного им деяния и поэтому имеют значение только для его личной ответственности»¹.

Думается, правы те ученые, которые дифференцированно подходят к вопросу о вменении соучастникам преступления тех признаков, которые характеризуют исполнителя преступления. Их можно разделить на две группы: 1) признаки, отражающие специфику объекта и объективной стороны преступления и тем самым определяющие характер и опасность преступления; 2) признаки, относящиеся исключительно к личности исполнителя и не отражающие особенностей объекта и объективной стороны, следовательно, не влияющие на характер и степень общественной опасности преступления.

К первой группе относятся черты, характеризующие должностное положение исполнителя (должностные преступления), его отношение к военной службе (воинские преступления), наличие определенных обязанностей (отказ в предоставлении гражданину информации — ст. 140 УК, уклонение от уплаты таможенных платежей — ст. 194 УК и др.), и т. д. Такие обстоятельства, характеризующие объективную сущность совершаемого преступления, могут вменяться любому соучастнику, если их наличие осознавалось им. Так, предоставление убежища дезертиру лицом, не являющимся военнослужащим, образует пособничество дезертирству, а склонение должностного лица к получению взятки содержит состав подстрекательства к этому преступлению.

Ко второй группе признаков специального исполнителя относятся, во-первых, сугубо индивидуальные черты, являющиеся обязательным условием применения данной уголовно-правовой нор-

¹ Курс советского уголовного права. Т. 1. Л., 1968. С. 630. См. также: Гаухман Л.Д. Правила квалификации преступлений. М., 1978. С. 16.

мы, а во-вторых, признаки строго личного характера (не отражающие свойств объекта посягательства), которым законодатель придает квалифицирующее значение. О последних подробнее будет сказано при рассмотрении вопроса о вменении соучастникам квалифицирующих признаков преступления. Поэтому ограничимся пока вопросом о возможности вменения участникам преступления тех обстоятельств, которые содержат сугубо индивидуальную характеристику исполнителя преступления и служат обязательным условием применения данной правовой нормы.

Одним из таких обстоятельств может быть повышенный минимальный возраст, с которого наступает уголовная ответственность. При этом возможны два варианта.

Во-первых, недостижение такого возраста вообще исключает всякую уголовную ответственность. Так, ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления наступает только с 18 лет. Поэтому для всех участников этого деяния, которые не достигли указанного возраста, уголовная ответственность невозможна не только за данное преступление, но и вообще, поскольку их действия состава какого-либо другого преступления также не содержат.

Во-вторых, недостижение установленного законом возраста исключает ответственность только за данное преступление, но может наступить в соответствии с другой нормой уголовного права. Например, исполнителем бандитизма может быть только лицо, достигшее 16 лет. Но участники этого преступления в возрасте от 14 до 16 лет могут привлекаться к уголовной ответственности за те совершенные ими фактические действия, которые содержат состав какого-то другого преступления, наказуемого по закону с 14 лет: за убийство; умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью; разбой; грабеж и т. д., а также за соучастие в них. В этих случаях ответственность соучастников, не достигших необходимого для исполнителя минимального возраста, наступает за фактически совершенные ими преступления независимо от субъективного отношения к возрасту исполнителя, т.е. и в тех случаях, когда они не осознавали факта достижения исполнителем определенного возраста.

К сугубо личным признакам, характеризующим субъекта преступления, можно отнести и наличие конкретной обязанности по отношению к определенному потерпевшему. Она может состоять в уплате средств на содержание детей родителями или трудоспособными детьми — нетрудоспособных родителей; во вскармливании и выхаживании матерью своего новорожденного ребенка.

За невыполнение первой обязанности могут нести ответственность только родители, которые по решению суда обязаны уплачивать средства на содержание несовершеннолетних или нетрудоспособных детей, а равно совершеннолетних трудоспособные дети, на которых судом возложена обязанность по содержанию нетрудоспособных родителей. Соучастие в этом преступлении в принципе невозможно независимо от фактического содействия его совершению и от осознания различных его обстоятельств.

Иначе должен решаться вопрос о соучастии в убийстве матерью своего новорожденного ребенка. Никто не вправе посягнуть на жизнь младенца, поэтому соучастие в нем есть соучастие в убийстве. Формулируя состав детоубийства, законодатель смягчает ответственность субъекта этого преступления на основе учета особого психофизического состояния женщины во время или сразу после родов либо влияние на нее различных психотравмирующих факторов. «Обстоятельство, которое служит основанием для отнесения детоубийства к составам со смягчающими признаками, касается лишь личных свойств субъекта этого преступления, поэтому оно не может и не должно распространяться на остальных участников преступления. Следовательно, их действия следует квалифицировать по общим статьям об ответственности за умышленное убийство»¹. Поэтому действия организаторов, подстрекателей и пособников детоубийства следует квалифицировать как соучастие в убийстве лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК).

Необходимо отметить, что вопросы о пределах вменения при соучастии тесно связаны с вопросом об эксцессе исполнителя преступления, под которым понимается «совершение исполнителем

¹ Глухарева Л.И. Уголовная ответственность за детоубийство. М., 1984. С. 47.

преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников» (ст. 36 УК). Совершение общественно опасных действий, выходящих за рамки общего замысла, «не может вменяться другим соучастникам, поскольку на время выхода лица за пределы соглашения утрачивается совместность деяний виновных и их субъективная связь»¹. Не осознавая факта совершения еще и нового преступления либо первоначально намеченного, но в более опасном исполнении, остальные соучастники не оказывают содействия несогласованным действиям, составляющим эксцесс, их действия перестают быть совместными.

В зависимости от характера и степени отклонения соучастника от общего замысла принято различать количественный и качественный эксцесс.

Эксцесс является *количественным*, если отклоняющееся преступление составляет разновидность намеченного либо образует однородное с намеченным преступлением². Например, пособник оказывал содействие грабежу, а исполнитель в процессе похищения имущества применяет насилие, опасное для здоровья, совершая тем самым разбой. Либо при том же содействии со стороны соучастника исполнитель совершает не простой, а насильственный грабеж. В обоих случаях имеет место количественный эксцесс.

Качественный эксцесс образуют выходящие за пределы стовора действия одного из соучастников, не однородные с теми, которые соучастники планировали осуществить совместно. Здесь возможны два варианта: либо действия, составляющие эксцесс, совершаются *дополнительно* к тем, что намечались первоначально, либо они совершаются *вместо* первоначально намеченных действий.

Л., М. и К. осуждены за групповое совершение разбойного нападения на З. Рассмотрев дело в порядке надзора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР установила, что после совместного употребления спиртных напитков во время возникшей между ними ссоры Л. предложил З. выйти в коридор и стал избивать его. Затем в коридор вышли М. и К. и тоже нанесли не-

¹ Гихарева Л.И. Уголовная ответственность за детоубийство. М., 1984. С. 47.

² Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 153.

³ См.: Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч. II. С. 178; Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев. 1969. С. 206.

сколько ударов потерпевшему. Во время избиения М. залез к нему в карман брюк и вытащил деньги. Умысла и договоренности о завладении деньгами потерпевшего у них не было: ни Л., ни К. после избиения З. не пытались взять хотя бы часть денег, которые вытащил М. Следовательно, завладение деньгами потерпевшего с применением насилия, причинившего легкий вред здоровью, образуют состав разбойного нападения, совершенного одним М., а действия Л. и К., действовавших из хулиганских побуждений, подлежат квалификации как злостное хулиганство¹.

В данном случае действия одного из участников преступления, образующие качественный эксцесс, были совершены дополнительно к действиям, совершаемым совместно. Действующий УК однозначно определяет юридические последствия такого эксцесса: «За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат» (ст. 36 УК).

Большое практическое значение имеет вопрос о вменении соучастникам *обстоятельств, смягчающих иотягчающих наказание*. Эти обстоятельства могут относиться либо к самому общественно опасному деянию, либо к личности исполнителя (или какого-то другого соучастника). Относительно возможности их вменения остальным участникам преступления в литературе высказывались различные мнения.

По мнению некоторых ученых, любые обстоятельства, как объективные, т.е. относящиеся к деянию, так и субъективные (характеризующие личность исполнителя), могут быть вменены другим соучастникам, если они охватывались их умыслом². Относительно квалифицирующих признаков объективного характера такое решение вопроса возражений не вызывает. Действительно, объективные квалифицирующие признаки отражают повышенную общественную *опасность деяния*, поэтому их осознание — необходимый элемент умысла соучастников. Следовательно, такие признаки могут вменяться лишь тем из соучастников, в сознании которых они отражаются. То же можно сказать и об объективных обстоя-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 4. С. 8.

² См.: *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 268; *Куринов Б.А.* Научные основы квалификации преступлений. С. 156—157.

тельстввах, смягчающих наказание. Итак, все объективные обстоятельства, как отягчающие, так и смягчающие наказание, вменяются соучастникам преступления при условии их осознания. И наоборот, незнание о наличии объективных обстоятельств, существенно снижающих либо повышающих общественную опасность совершаемого деяния, исключает возможность их вменения.

Г. был осужден за пособничество в получении взятки, связанной с вымогательством. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отметила отсутствие в деле доказательств того, что Г. было известно о вымогательстве взятки исполнителем, и на этом основании приговор, изменила, переквалифицировав действия Г. по статье о пособничестве в получении взятки без отягчающих обстоятельств. При этом коллегия указала, что «квалифицирующие обстоятельства, отягчающие преступление, о которых не было известно пособнику, не могут быть вменены ему в ответственность»¹.

Иначе решается вопрос о вменении смягчающих или отягчающих обстоятельств, имеющихся *на стороне лишь одного из соучастников*. Своеобразную конструкцию вменения таких обстоятельств предложил Ф.Г. Бурчак. Он считает, что обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя и усиливающие ответственность, должны вменяться остальным соучастникам при условии их осознания, а обстоятельства, относящиеся к исполнителю и смягчающие его ответственность, на других соучастников распространяться не должны².

Подобное решение не согласуется с принципами субъективного вменения и гуманизма уголовного права. Кроме того, вряд ли вообще возможно вменять другим соучастникам обстоятельства, которые смягчают либо усиливают ответственность из-за специфических особенностей конкретного лица. Поэтому более приемлемой представляется позиция А.А. Пионтковского, по мнению которого остальным участникам преступления могут вменяться охватываемые их сознанием обстоятельства, которые, хотя и отно-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1979. № 2. С. 22.

² См.: Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев. 1969. С. 211.

сятся к личности исполнителя, тем не менее характеризуют повышенную или пониженную общественную опасность совершенного преступления. Обстоятельства же, которые, не влияя на степень опасности самого деяния, относятся исключительно к личности данного конкретного преступника, указывая на ее более или менее высокую социальную опасность, ни при каких условиях не должны вменяться остальным соучастникам¹. Например, если лицо, защищая свою жизнь от общественно опасного посягательства, с помощью своего друга причиняет смерть посягающему, превысив при этом пределы дозволенной защиты, то состояние обороны, в котором находилось лицо, чья жизнь подвергалась опасности, обязательно отражается и на квалификации действий пособника. Напротив, если постороннее лицо содействует лишению жизни человека, неправомерные действия которого вызвали внезапно возникшее сильное душевное волнение исполнителя данного преступления, то пособник должен нести ответственность за соучастие в убийстве без смягчающих обстоятельств, поскольку состояние аффекта характеризует особое психическое состояние только исполнителя и не может смягчать ответственность соучастника.

Недопустимость вменения соучастникам квалифицирующих признаков, носящих сугубо личный характер, не раз подчеркивалась высшими судебными органами. Так, по делу Н., осужденного за соучастие в квалифицированном грабеже, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР установила, что суд признал грабеж квалифицированным на том основании, что исполнитель ранее был осужден за аналогичное преступление. Не согласившись с квалификацией действий Н., коллегия указала: «Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя (совершение преступления повторно, особо опасным рецидивистом) не вменяются в вину соучастникам, если даже эти обстоятельства и охватывались их сознанием, так как указанные обстоятельства характеризуют общественную опасность только личности преступника и могут отягчать ответственность лишь самого исполнителя, т. е. лица, к кому они непосредственно относятся»².

¹ См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении. С. 583.

² Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. С. 69.

Вопрос о вменении соучастникам смягчающих и отягчающих обстоятельств нашел свое частичное решение в действующем УК: «Смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику» (ч. 2 ст. 67 УК). Неполнота законодательного решения заключается в следующем.

Во-первых, приведенное положение приведено не в норме об ответственности соучастников преступления, а в норме о назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, а значит, имеет не глобальное, а весьма ограниченное значение.

Во-вторых, оно касается только смягчающих и отягчающих обстоятельств, относящихся к личности одного из соучастников, и не затрагивает подобных обстоятельств, если они характеризуют само общественно опасное деяние.

Законодательное решение рассматриваемого вопроса было бы более законченным, если бы в норме, определяющей пределы ответственности соучастников, было указано, что смягчающие и отягчающие обстоятельства, характеризующие общественно опасное деяние, учитываются при квалификации действий всех соучастников преступления, умыслом которых эти обстоятельства охватывались, а смягчающие и отягчающие обстоятельства, относящиеся исключительно к личности одного из соучастников, учитываются при квалификации действий только этого соучастника.

В практике не всегда одинаково решается вопрос о квалификации действий соучастников таких преступлений, в которых роль квалифицирующего признака отведена мотиву либо цели. Нет единства мнений и среди ученых. Так, Ф.Г. Бурчак считает, что когда подстрекатель склоняет исполнителя к совершению убийства из корысти, то если бы сам он действовал и из других побуждений (например, из ревности), квалификация его действий будет определяться действиями исполнителя¹. Поскольку автор в приведенном высказывании не учитывает объема вины соучастников, вряд ли можно считать его верным. Более правильной является позиция тех ученых, по мнению которых для одинаковой квалифи-

¹ Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев. 1969. С. 212.

кации действий исполнителя и других соучастников не требуется совпадения мотивов и целей, усиливающих ответственность, но обязательной является осведомленность других соучастников о том, что исполнитель преступления совершает его по указанным в законе мотивам либо со специальной целью¹. Например, действия лица, помогающего совершить убийство, должны квалифицироваться как пособничество убийству из корыстных побуждений, если их наличие у исполнителя охватывалось сознанием пособника, хотя сам пособник действовал из ревности или мести.

Итак, все рассмотренные аспекты вопроса о пределах вменения при соучастии должны решаться с учетом объема вины. Те фактические обстоятельства, которые входят в состав преступления в качестве обязательных или квалифицирующих (либо смягчающих ответственность) признаков преступного деяния, должны вменяться тем соучастникам преступления, сознанием которых охватывалось наличие этих признаков. Обстоятельства же, относящиеся к личности исполнителя (при условии их осознания другими соучастниками) могут быть поставлены в вину другим соучастникам только в тех случаях, когда эти признаки, хотя и носят личный характер, тем не менее придают самому деянию большую или меньшую меру общественной опасности. Те же признаки, которые характеризуют исключительно личность исполнителя преступления и не влияют на характер и степень опасности деяния, усиливают либо смягчают ответственность лишь того, к кому они относятся, и не влияют на ответственность остальных соучастников.

¹ См.: Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 47—48; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. С. 157.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Глава I. ОСНОВЫ ОБЩЕГО УЧЕНИЯ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие, содержание и значение субъективной стороны преступления . . . 6	6
§ 2. Вина и ее основные характеристики	13
§ 3. Умысел и его виды	26
§ 4. Неосторожность и ее виды	42
§ 5. Невинное причинение вреда	55
§ 6. Преступления с двумя формами вины.	57
§ 7. Мотив и цель преступления	61

Глава II. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

§ 1. Вина и квалификация преступлений	74
§ 2. Вменение квалифицирующих признаков	82
§ 3. Субъективная ошибка и квалификация преступлений	88
§ 4. Квалификация преступлений по мотиву и цели	101
§ 5. Субъективная сторона и квалификация неоконченного преступления . . 110	110
§ 6. Субъективная сторона и квалификация действий соучастников преступления	118

Рарог А.И.

**СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА И КВАЛИФИКАЦИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Ответственный за выпуск *А. И. Чучаев*

Издательская лицензия № 02906 от 29.09.00

Подписано в печать 21.08.01. Формат издания 60x84/16.

Усл.печ.л. 7.905. Тираж 2000 экз. Заказ №1628

ООО «Профобразование»

103031. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Отпечатано с дискет заказчика

в ГУП «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»

424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112